

ИРЕНЕ КРЕКЕР

ВСТРЕЧА ДВУХ МИРОВ.
BEGEGNUNG ZWEIER WELTEN

Ирене Крекер

**Встреча двух миров.
Begegnung zweier Welten**

«Издательские решения»

Крекер И.

Встреча двух миров. Begegnung zweier Welten / И. Крекер —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-558721-3

В своей новой книге Ирене Крекер повествует о судьбах российских немцев, переехавших в Германию из бывшего Советского Союза в последнее десятилетие XX века. Автор рассказывает об исторических корнях народа, живущего между двумя культурами. In Russland waren wir 'die Deutschen', wurden benachteiligt. Nach jahrelangen Bemühungen endlich in der Heimat unseren Vorfahren angekommen, nennt man uns 'die Russen'. Warum werden wir nicht als Deutsche akzeptiert?», fragt Autorin die einheimische Leser. Часть текста ранее была опубликована в книге «Мы — российские немцы».

ISBN 978-5-00-558721-3

© Крекер И.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Слово об авторе	6
Приволье и дочь шахтёра	11
О малой родине отца	13
Язык и культура. О двуязычии переселенцев на историческую родину. Отклик на очерк немецкого писателя Нелли Косско «Богатство принято хранить» (журнал «Новые Земляки». 2017 год)	16
Очерки о немцах-переселенцах конца XX столетия	18
Мы здесь давно дома.	18
Дружба – великое дело	23
Судьба семьи из Казахстана	25
Наше продолжение – в детях.	27
Мы – потомки меннонитов	29
Моя родина – Германия.	33
Счастье – это когда тебя понимают	36
Жизнь длиною в век	39
К 90-летию Нелли Дез	43
Человек сам создаёт свою судьбу. О Райнгольде Шульце	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Встреча двух миров. Begegnung zweier Welten

Ирене Крекер

Переводчик Nina Paulsen

Переводчик Agnes Gossen

Переводчик Peter Peters

Переводчик Katharina Peters

Переводчик Helene Rahn

Переводчик Heinrich Dyck

Корректор Валентин Васильевич Кузнецов

© Ирене Крекер, 2021

© Nina Paulsen, перевод, 2021

© Agnes Gossen, перевод, 2021

© Peter Peters, перевод, 2021

© Katharina Peters, перевод, 2021

© Helene Rahn, перевод, 2021

© Heinrich Dyck, перевод, 2021

ISBN 978-5-0055-8721-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Встреча двух миров

Слово об авторе

С автором Ирене Крекер я познакомился в 2017 году в Нюрнберге на третьем литературном симпозиуме, организованном баварской группой Землячества немцев из России. С тех пор мы «на горизонте» друг у друга: обмениваемся написанным, прислушиваемся к советам, узнаём новости и радуемся взаимным успехам.

Райнгольд Шульц (литературный псевдоним Папа Шульц)

На фото: Авторы – Валдемар Люфт, Райнгольд Шульц, Георг Лауэр, Ирене Крекер на литературном симпозиуме в июне 2017-го года в Нюрнберге

Слово «крекер» означает хрустящее печенье. Видимо, предки Ирене, жившие когда-то в Niedersachsene/ Нижней Саксонии, пекли хлеб, – подумал я. Ирене подтвердила, что её предки по линии отца ещё в давние времена переселились в Западную Пруссию. А при Екатерине II осели на Украине. Там они проживали в колонии Молочная в Запорожье. А дед Ирене, сельский учитель Исаак Исаакович Креккер (Kröcker), родился уже в Оренбуржье (1893—1933). Отец Ирене, Креккер Иван (Иоганн, Johann) Исаакович (1919—1974) после окончания школы поехал в город Маркс, учиться на авиамеханика. Когда началась война, он уже служил на одном из подмосковных аэродромов, был добросовестным специалистом. Начальство, сколько могло, скрывало его немецкое происхождение. В 1942-ом году он был депортирован в Сибирь: сначала в Томск, позже в Сталинск (теперь Новокузнецк) Кемеровской области.

30 лет проработал Иван Исаакович Крекер (теперь его фамилию писали с ошибкой) под землёй проходчиком Кузбасского шахтостроительного управления, до 1955 года находясь под спецкомендатурой. В родные края не вернулся. Братья отца Исаак, Мартин, Якоб, Генрих и сестра Анна ещё в начале 90-ых годов перебрались с детьми и внуками из оренбургских немецких посёлков в Германию. Все они говорят на Plattdeutsch. Их родители – меннониты по вероисповеданию.

Прародители Ирене по материнской линии – выходцы из городка Розенфельд, что вблизи Штутгарта, земли Баден-Вюртемберг. Они были из тех, кто основал в Грузии в 1817—1818 годах немецкие колонии на Кавказе, в частности, колонию Катариненфельд. Прадед Ирене – Эрнст Мюллер (1869), и её дед – Карл Мюллер (1893) родились в Катариненфельде. Они были арестованы органами НКВД в 1937-ом году вместе с другими мужчинами, немцами посёлка, и пропали без вести.

Девичья фамилия бабушки Ирене – Анна Фихтнер (1894—1951). Она родилась тоже в Катариненфельде. В 1915-ом году вышла замуж за Карла Мюллера. В октябре 1941 года её с детьми выслали в Павлодарскую область (Казахстан). Осели они в селе Баянаул, недалеко от Экибастуза. Смерть бабушки в Казахстане совпала с рождением в Сибири внучки Ирене.

Мама Ирене Крекер – Леони Карловна Мюллер, ставшая позже Миллер, – родилась, как и её родители, на Кавказе, в немецкой семье швабов колонии Катариненфельд. У неё было два брата и две сестры. Когда началась война, старший брат Леони – Вильгельм Миллер – был студентом ленинградского университета. В блокаду пропал без вести. Сама Леони, окончив семь классов немецкой школы, не смогла продолжать учёбу: плохо знала русский, а немецкие учителя были арестованы. До начала войны она успела окончить бухгалтерские курсы расчётчицы.

В октябре 1941 года всех жителей немецкого происхождения депортировали в Казахстан. Через некоторое время восемнадцатилетнюю Леони оторвали от семьи и направили в трудовую в Архангельск, на лесозаготовки. Знание бухгалтерского учёта спасло ей жизнь. Там она пробыла до 1948 года.

Младшие сёстры Леони – Шарлотта и Евгения, а также брат Эрвин остались с матерью в Казахстане и были обречены на голодное существование. Но – выжили. Шарлотта и Эрвин с семьями переехали в Германию в конце семидесятых годов XX-го века, сестра Евгения – на 20 лет позже. В настоящее время ей 92 года; проживает с детьми и внуками в земле Баден-Вюртемберг.

Когда закончилась война и появилась возможность воссоединения семей, Шарлотту вызвал к себе на поселение в город Сталинск её бывший одноклассник Альфред Видмайер. Она нравилась ему ещё со школьной скамьи. Девушка переехала к нему и в свою очередь вызвала к себе сестру Леони из Архангельска. Они познакомили Леони с будущим отцом Ирене, Иваном Крекером. Брак был оформлен в 1949-ом году. После рождения сына Виктора, появилась на свет Ирене – 29 июля 1951-го года. В то время семья проживала в избушке на холме посреди чёрных шахтёрских терриконов. В 1956-ом году, когда родилась дочь Лена, от управления «Шахтострой» отец получил двухкомнатную квартиру в «уральских» домах. А когда Ирене исполнилось восемь лет, они переехали в свой кирпичный дом и завели подсобное хозяйство. Эту историю Ирене описала в очерке «Незапрограммированная родословная», отзвуки её – в романе «Невероятность равняется нулю». А в рассказе «Что в имени моём» передана история её имени. Мама Леони при рождении дочери хотела дать ей имя Ирене. Так звали её лучшую подружку в Катариненфельде. Но папа как-то всё перепутал и при регистрации записал дочь как Ирона. Никто этого не знал, и все звали её Ирой! Только папа по-своему звал Иру – Икус, от немецкого слова поцелуй – Kuss! Ирене узнала своё настоящее имя только за несколько дней до получения паспорта. Она подправила в метриках букву «о» на «э», подставив чёрточку, и переименовала сама себя в Ирэну. Став учителем, представилась в школе как Ирина Ивановна, но документы её «выдали», и в течение последующих двадцати лет ученики и коллеги

звали её Ирэна Ивановна. В Германии Ирэна без проблем обрела имя Ирене. Здесь же познакомилась и с маминной подругой, в честь которой была названа.

В ТОЙ ЖИЗНИ

Родители Ирене говорили дома на чисто литературном немецком языке, потому что не понимали диалекты друг друга. Ирене научилась читать по-русски в пять лет, после того как брат пошёл в школу. Она закончила среднюю школу №99 города Новокузнецк почти с отличием. В те годы поставила перед собой цель – учить русских детей их родному русскому языку.

Окончив факультет русского языка и литературы Новокузнецкого пединститута, Ирене вышла замуж и переехала к мужу в Междуреченск. Муж Леонид оказался практичным и трудолюбивым семьянином с «двумя правыми» проворными руками. Он закончил горностроительный техникум, семь лет проработал на стройке, а потом семнадцать лет трудился под землёй в разных шахтах Междуреченска бригадиром горномонтажников. Ирене проработала восемнадцать лет учителем русского языка в школах Междуреченска. Занимала должность и методиста отдела народного образования, и директора средней школы №10, в которой училось почти полторы тысячи учеников.

В ЭТОЙ ЖИЗНИ

В Германию семья переехала в ноябре 1992 года. Несколько дней провели в Эмпфингене под Штутгартом. Временное жильё получили в Хербольцхайме, а через год были переведены в Кенцинген, что в ста километрах от швейцарской границы, в тридцати – от Фрайбурга и в пятнадцати километрах – от границы с Францией. К тому времени в семье было трое детей: Ольга, Виктор и Даниель. Трёхлетнего Даниеля устроили в детский сад, который был не на полный день и с перерывом на обед. Ирене пришлось остаться дома.

В настоящее время Даниель – программист, Informatiker-Entwickler. Работает в Оффенбурге на фирме Web Commerce. У каждого из старших детей свой путь в новую жизнь. Дочь Ольга (по мужу Лингор), закончив в России среднюю школу, в настоящее время работает бухгалтером. Об её упорстве, целенаправленности, трудолюбии в получении образования, опыте работы на немецких предприятиях можно написать книгу. Её муж Вильгельм тоже трудится по избранной специальности. Сын Виктор десять лет проживает в Берлине. В России он окончил девятилетку. В Германии выучился на повара, переквалифицировался на диетолога. В настоящее время занимает руководящую должность по организации оздоровительного питания в BVG (Berliner Verkehrsbetriebe). Любимая работа – это его хобби!

Диплом мужа Лео (Леонида) в Германии был подтверждён по трём специальностям: плотник, каменщик, бетонщик. После шестимесячных курсов немецкого языка, через биржу труда, он нашёл работу в качестве помощника плотника в небольшой частной строительной фирме по специальности Zimmermann (плотник). В России работал во тьме и под землёй, а в Германии – пятнадцать лет трудился на высоте и под солнцем. Ушёл на пенсию в 61 год по инвалидности.

Ирене российский диплом признали как иностранный, без права преподавания в гимназии. Для его подтверждения, нужно было доучиваться в педагогическом институте. Она не могла себе это позволить, старалась найти работу недалеко от дома. В результате специалисту «мудрые» немецкие политики на исторической родине доверили рабочее место уборщицы, да ещё и в двух местах сразу – в гимназии и в доме престарелых.

Ей повезло. Руководитель дома престарелых, зная её биографию, видя её старательность и аккуратность, предложил место учёбы в «Berufsschule für Altenpflege/ Профессиональная школа по уходу за пожилыми людьми». Ирене прекрасно понимала, что будет входить в круг

её обязанностей, но согласилась, так как выбора не было. К тому же, она имела диплом медсестры запаса, который получила ещё в России, в педагогическом институте. В июле 1998-го года завершила трёхгодичное обучение в городе Emmendingen/ Эммендинген. Получила свидетельство по профессии Staatlich anerkannte Altenpflegerin, став examinierte Pflegefachkraft.

С новым дипломом Ирене устроилась в частную клинику по уходу за пожилыми людьми с психическими заболеваниями. Испытав моббинг (коллеги не могли ей простить самостоятельности в принятии решений), поменяла место работы, получив его в краевом Центре психиатрии, в отделении для пожилых людей. Там и проработала на полной ставке семнадцать лет до самой пенсии, на которую вышла в 65-летнем возрасте.

В настоящее время Ирене посещает евангелическую церковь, принимает участие в работе городского общества пожилых людей. Находясь на заслуженном отдыхе, продолжает помогать людям, являясь членом городской благотворительной службы, навещает больных в Домах инвалидов и престарелых, заботится о русскоязычных людях, попавших в беду.

Ирене с мужем любят путешествовать. Начали с Испании, побывав на море и на материке. Потом посетили Канарские острова: Гран-Канария, Тенерифе, Лансароте, Фуэртевентуре. Отдыхали в Греции, посетили монастырь на Олимпе. В Болгарии загорали на Золотых песках. Полюбили курорты Чехии – Марианские Лазни и Карловы Вары. В Польше побывали на курорте в Бад Флинсберге. В туристических поездках по Европе любовались Голландией, Люксембургом, Бельгией, Францией, Швейцарией, Лихтенштейном, Италией, Монако, Австрией.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ

Путь Ирене в литературу был интересным и увлекательным. В 2009-ом году дети подали ей компьютер, установили русскоязычную программу и посоветовали писать. Первую повесть она назвала «Материнская любовь», чуть позже добавив в начало названия уточняющее слово «Слепая». Книгу писала два года, а опубликовала только на портале российских писателей «Проза.ру». В 2012-ом году ею написаны первые истории о пациентах психиатрии. Ирене отправила их в Москву на международный фестиваль «Нить Ариадны». Трижды – в 2014-ом, 2016-ом и в 2018-ом годах – была его гостем. В течение двух последующих лет рассказы публиковались в газете «Психиатрия. Нить Ариадны». Позже они изданы книгой «Несостоявшиеся судьбы. Записки практикующей медсестры».

В конце 2014-го года опубликована вторая книга Ирене Крекер – «Мозаика моего счастья», в которой она делает посыл читателям: мы счастливы уже потому, что имеем возможность жить, дышать, думать, радоваться, общаться и любить ближнего, как самого себя!

На сегодняшний день в издательском сервисе Ридеро.ру выпущено уже 12 её книг. В запасе у автора имеется материал ещё на несколько. А на литературном портале «Проза.ру» выставлено 276 её произведений, которые прочитали 77 тысяч читателей. Сколько было публикаций в СМИ, Ирене подсчитать не смогла – сбилась со счёта.

В 2017 году, в свои 66 лет, Ирене стала членом германского Литературного общества немцев из России.

Сколько бы человеку ни было лет, любой возраст – это идеальное время, чтобы творить, любить, мечтать и радоваться жизни. Костёр, гитара, песни бардов – это ещё одна слабость Ирене и давняя её искренняя любовь! В 2018-ом году Ирене Крекер, автор книги очерков «Не забыть нам песни бардов», награждена дипломом финалиста международного германского литературного конкурса «Лучшая книга года». Не случайно и то, что она стала участником фестиваля в Чехии «Понимаешь, это странно, очень странно», посвящённого Юрию Кукину. Кроме того, Ирене лауреат и дипломант литературных фестивалей «Эмигрантская лира 2017,

2018. Льеж – Париж», «Русский стиль» (2018, 2019), международного литературного конкурса «Золотое перо Руси» (2018) и других.

Сегодня Ирине счастлива. Она всегда позитивно настроена, желает всем добра, и всё это бумерангом возвращается к ней самой. Мозаика её жизни сложена из кусочков подаренного и возвращённого счастья, и это делает её ещё счастливей. В свободное время она пишет статьи, очерки о немцах России, собирает их в книги. Две из них под названием «Судьбы немцев России», изданы в период пандемии. Это – её хобби, её вдохновение, её жизнь!

Райнгольд Шульц (Папа Шульц).

Германия. Гиссен

Книги с автографом автора можно заказать у Irene Kreker по электронной почте ira.bajgosin@mail.ru.

Приволье и дочь шахтёра

В последнее время часто брожу во сне по безбрежным полям. Различные по виду злаки кланяются мне колосьями, а я не знаю их названий. Бреду, предполагая, что это пшеница, вдыхаю её запах и улыбаюсь сквозь слёзы, как будто домой вернулась.

Вспоминаю часто отца, как он зимними вечерами рассказывал нам о родном степном крае с неземным ароматом трав. В такие моменты он был поэтом. Говорил о том, что в вечерние часы воздух его детства был наполнен ароматом левкоя душистого, маттиолы и вечерницы печальной, медуницы, резеды и чабреца. Для меня, родившейся среди шахтёрских терриконов, эти названия до сих пор кажутся сказочными.

Сегодня я думаю, что, если бы отец не уехал так рано из села Кутерля Оренбургской области и не поступил в авиационное училище, не стал авиамехаником и если бы не было пяти лет войны с Германией, погрузившими его, как немца по национальности, в шахтовые выработки Кузбасса, он бы стал учителем географии, или литературы, или поэтом, прославившим свой любимый край.

Разнотравно-ковыльная степь будила во мне желание – посетить малую родину отца. Неведомая земля волновала своими просторами, чудными названиями. В юности отец не посчитал мою мечту абсурдной, поддержал в планах на лето, выделил определённую сумму денег на поездку и отправил в самостоятельное плавание по стране.

С того момента я почувствовала себя на ступеньку выше на пути взросления. Мне тогда было неполных шестнадцать. Первый раз в жизни сама приобрела билет на поезд. Помню, что кассир по ошибке дала мне сдачу на четырнадцать рублей больше. По дороге домой я несколько раз пересчитала деньги. Когда ошибка подтвердилась, с полпути вернулась и отдала лишнее. Кассирша посмотрела на меня непонимающим взглядом, но деньги взяла. Я летела домой на крыльях мечты и была уверена, что поездка удастся, так как я знала примету: если совершишь хорошее дело, то тебе это вернётся тройкратным добром.

Мама, большая мастерица в швейном деле, нашла мне в дорогу всё необходимое: платья, сарафанчики, блузочки, косыночки. Таким богатством я никогда не обладала. До сих пор помню фасоны платьев, и её, милую, вечерами творящую чудеса. Родители волновались, потому что мы жили в Новокузнецке Кемеровской области, и мне предстояла пересадка в городе Куйбышеве, на Волге.

Новое всегда пугает и напрягает, зовёт и притягивает неизведанным, и я смело пустилась в путь. Вагон был общий. Двое суток езды. На моё счастье, в купе оказалась пожилая женщина, которая помогала мне. Это было первое добро, которым вселенная ответила на моё открытое чувство любви к людям.

Попутчица угощала меня любимой варёной картошкой и приговаривала: «Чего стесняешься? Чай не объешь. Да, вот и хлебушка я на дорогу напекла». А хлеб был таким запашистым, пропечённым, с какими-то добавками зёрен, молотых орешков и ещё чего-то необыкновенно вкусного, что я не стала отказываться от угощения. Такой вкуснятины я никогда раньше не ела!

Женщина мне и рецепт поведала, который я по истечении времени напрочь забыла. Но, к удивлению, когда первый раз в Германии купила булку свежеевыпеченного хлеба ржаного помола, почувствовала запах и вкус хлеба из страны юности.

А тогда мы с моей попутчицей ели жареную курицу, запивая её чаем из стаканов с чудесными подстаканниками, и на душе было светло и радостно. На полустанках я выпрыгивала из вагона то за водой, то за солёными огурчиками, яблоками и помидорами. Это была свобода полёта, которую я принимаю сейчас за подарок судьбы.

Поезд проследовал по территории уральских гор. Мы увидели табличку на столбе, разделяющем Азию и Европу. Я была горда, что мне довелось увидеть эту грань, этот рубеж. В ту поездку я испытала свободу от условностей, навязываемых школой, семьёй и обществом.

В то время я была стройной, но угловатой, рыжеволосой, к тому же близорукой девочкой, да ещё с комплексом неполноценности. Очки носить стеснялась, прятала без чехла в карман, боясь прозвища «очкастая». Часто разбивала стёкла и, плача от страха, что теперь не увижу с последней парты написанного на доске, жалела отца, понимая, что ему опять придётся ехать в город, искать мне нужные стёкла, оплачивать их. Я ещё не понимала цену денег, но знала, что радости это никому не доставит и что я не имею право делать кому-то больно. В эту поездку на родину отца даже стёкла в очках у меня целыми остались, и я это тоже посчитала чудом.

Запомнился ещё один момент, как за час до пересадки в Куйбышеве, познакомилась с молодым военным.

– Ты знаешь, моя мама такие чебуреки выпекает, пальчики оближешь. А манты! Ты ела когда-нибудь манты? Если в них положить к мясу побольше лука, да приправить перчиком, да на пару приготовить...

К тому времени я уже основательно проголодалась, и беляши, за которыми он прыгнул на одном из полустанков, показались мне райским блюдом. Парень рассказывал о своей судьбе, приглашал в гости. Он был уверен, что я непременно понравлюсь его маме. Именно он помог мне в Куйбышеве: проводил на нужную платформу, посадил в вагон поезда, следовавшего в направлении Оренбурга. Я махала ему из поезда платочком, прощаясь и уже тогда понимая, что мы не увидимся больше в этой огромной стране, где множество людей встречаются и расстаются ежедневно.

Вокзал Сорочинска, последнего пункта моего назначения, был небольшим. Пассажиров всего несколько. Среди них не оказалось меня встречающих. Сердце дало себя сразу знать, так как я к этому не была готова. В тот момент решила, что доберусь сама. Мне уже море было по колено.

Но и здесь нашлись добрые люди, которые разбирались в местных населённых пунктах. Несколько сильных рук помогли взобраться в кузов крытой грузовой машины. И вот в пред-рассветной мгле я уже мчусь по оренбургским степям навстречу новым чудесам.

На развилке дороги меня высадили, показав рукой направление дальнейшего пути. На моё счастье, именно здесь, на этом перекрёстке дорог посреди бескрайнего поля колосющейся пшеницы, состоялась неожиданная встреча с братом отца:

– Как тебя зовут? Ты – дочь Ивана? – услышала я неожиданный голос, прозвучавший со стороны пшеничного поля, где расположилась группа мужчин, отмечающих с утра какой-то праздник. – Так я тебя еду встречать... Усталость уступила место удивлению, непониманию, своего рода недовольству, но вместе с тем, и радости, что я прибилась, наконец-то, к какому-то берегу и не потерялась посреди безбрежных степей, засаженных различного рода злаковыми культурами.

О малой родине отца

С детства я знала, что мой отец родился через два года после Октябрьской революции 1917-го года в селе Каменец Оренбургской области, которое находилось недалеко от сегодняшнего районного центра в Плешанове. Не помню была ли я в Плешанове в первую поездку на родину отца, но летние каникулы 1966-го и 1967-го годов провела в селе Кутерля, где прошли его школьные годы. Тогда, конечно, я не задумывалась об истории этой местности, не могла знать и о том, что с середины восьмидесятых годов двадцатого века более девяти сот сёл и хуторов Оренбуржья исчезнут с лица земли.

В то лето действительность превзошла мои ожидания. Помню, что село состояло из одной длинной улицы, вытянувшейся на пару километров вдоль единственной дороги, проходящей по ней. Ширина улицы казалась мне тогда удивительно большой. Отец рассказывал, что дома строили здесь из самана. Опыт его изготовления был усвоен первыми немцами-переселенцами от башкир и русских, прежде владевших этими землями. Белой глиной белили дома и печи. Для утепления стен использовали камыш. В Кутерле были дома из самана, а ближе к Сорочинску – из кирпича. Здесь имелись и деревянные постройки. В то лето мы сами месили ногами саман, и я видела собственными глазами «кирпичи», сделанные из него.

Каждое хозяйство имело много живности: коров, коз, овец, – не говоря уже о домашней птице. Почти в каждом дворе была легковая машина, которая наряду с мотоциклами разных марок являлась необходимым средством передвижения. Для меня это было признаком достатка, так как отец, заслуженный шахтёр, отработавший тридцать лет под землёй, мечтал приобрести личный автомобиль, но мечту свою так и не смог осуществить.

Моя поездка на родину отца пришлась на середину июня. Природа благоухала удивительно яркими красками. Пора цветения сирени. Она обдавала свежестью томительно-знакомого аромата. Жёлтая акация создавала интерьер села в его цветном восприятии. Плодово-ягодные культуры встречались повсеместно. Особенно много в тот год было смородины. Кусты красной и жёлтой, никогда не виданных мною сортов, нашли своё целевое назначение при разделении частных земельных наделов. Заключительный аккорд природному натюрморту создавали насаждения клёна-ясеня, карагача, тополя чёрного.

Для меня это была Русь европейски-цивилизованного мира. Не жалкие деревни со старыми, непривлекательными, полуразрушенными домами, грязными улицами и вонючими сельскими дворами, встречающимися в сибирской глуши. Неукоснительный порядок и чистота окружали меня. Прекрасный уголок земли, где можно было наслаждаться запахом разнотравья – в окрестностях, ароматом цветов – в палисадниках, пеньем соловьёв и стрекотом кузнечиков – в минуты ночных походов. Помню, как парни шли в сельский клуб с цветком пиона или чайной розой, или полевыми цветами, лихо воткнутыми в кепки. Выгоревшие от жаркого солнца мальчишеские вихры казались сплошь и рядом русо-золотистыми, а сами парни – молодцами из детских сказок. Я не знала названий многих кустарников, да и цветов, но это не мешало наслаждаться незнакомыми запахами, ароматом и свежей чистотой воздуха. Я потеряла счёт дням, чувствуя себя бабочкой, мотыльком, миловидной птахой, щебечущей песню восхищения миром. А он продолжал свою налаженную жизнь, не отвлекаясь на заморскую деву из сибирского края.

К тому времени я знала, что родилась в семье обрусевших немцев, но что попаду в немецкую слободку, – такое мне и во сне не снилось. Моя ровесница-кузина Марийка, русоволосая красавица с длинной толстой косой, сопровождала меня повсюду, руководила организацией отдыха, знакомила с подругами, показывала достопримечательности, вводила в жизнь селения.

Пока дело касалось родственников, одноклассников, соседей, меня не удивляло, что общение между ними происходило на непонятном для меня немецком наречии, но когда

и в магазине, и в школе, и в сельсовете я заметила, что люди общаются друг с другом как в иностранном государстве, то поняла смысл сказанных отцом слов: «Мой родной язык – немецкий, но очень отличающийся от литературного. Он больше похож на голландский. Вероятно, наши праотцы были выходцами с севера Германии, с земель, граничащих с Нидерландами». Так как мои родители общались дома на литературном немецком языке, и мне с детства была понятна их бытовая речь, я всё же не предполагала, что проведу лето «за границей». Здесь везде и всегда звучал немецкий диалект «платтдойч», из которого я не понимала ни слова. На этом странном языке отца, дедов и прадедов говорили в магазине, в сельсовете, в школах, в семьях, молодёжь между собой, а у меня не было никакого шанса понять, о чём они говорят, что подразумевают.

Сначала я дичилась, молчала, уходя в тень двоюродной сестры. Потом начала видеть сны, где пыталась быть достойной собеседницей. Комплекса неполноценности не ощущала ни во сне, ни наяву, да и рядом всегда была моя кузина Марийка, радость и опора, идеал доброты и терпения, понимания и духовной поддержки. Когда было необходимо, она переводила сказанное другими, отвечала за меня, читала мысли на расстоянии и со спокойной уверенностью помогала осознать и понять родственные связи между множеством людей селения с моей фамилией. С некоторыми семьями мы были в родстве, передающемся через поколения, с некоторыми – в более близком.

В первую неделю отправились в гости к моей бабушке. Встреча с ней у меня была единственная, но оказалась памятной на всю жизнь. Мой дедушка, учитель начальных классов, женился на ней, когда мой отец уезжал из села на учёбу в город Маркс. В течение жизни он лишь несколько раз был на своей малой родине.

С бабушкой мы говорили об отце. Она вспоминала его весёлым и жизнерадостным, добрым и правильным, несмотря на его трудное детство, наполненное до краёв нуждой и лишениями. Он был единственный из семьи, кто оказался на чужбине, в Сибири, о которой она не имела никакого представления.

Бабушка казалась мне древней и мудрой. Она отметила мою схожесть с отцом по характеру. Я была такой же общительной и жизнерадостной, каким она помнила его в юности. Самое жуткое для меня было то, что мы вели беснуду через переводчика. В этом качестве выступала опять кузина Марийка, с которой мы породнились в тот год по-настоящему. Бабушка говорила на своём родном немецком диалекте. Она не училась в школе советского времени, не изучала литературного немецкого, не встречалась с русскими в своём селении и не говорила с ними в молодости, совершая кратковременные поездки в другие города области. До конца жизни она не знала русского языка ни в понимании, ни в написании, ни в разговоре.

Мне взгрустнулось сейчас, когда пишу эти строки. Рядом со мной в детстве никогда не было бабушек и дедушек. Недополучила я мудрости стариков. Может, поэтому так мучительно пробиваюсь по жизни через боль души, нажитую собственным опытом, страдая и мучаясь в одиночестве...

В то памятное лето я поняла, что означают слова «зов крови». Поняла, но окончательно не осознала. Сегодня, прожив в Германии более четверти века, я могу сказать, почему нас называли немцами в России, об этом говорила отметка в паспорте в графе национальность, но почему нас в Германии называют до сих пор русскими – до меня и сейчас не совсем доходит. В то лето я была естественным приложением к вновь обретённым родственникам и не пыталась рассуждениями омрачать новую, открывшуюся мне реальность.

Тогда я влилась своим светлым любознательным существом в окружающий меня удивительный мир, и он принял меня такой, какая я есть, со всеми плюсами и минусами, слабыми и сильными сторонами. Несколько недель провела я в школьном трудовом лагере на сельских полях. Проживали в палатках посреди степи, как вольные птицы на колхозных хлебах. Работать приходилось наравне со всеми, зато потом – вечера для души и сердца, доброта, витающая в воздухе, первая влюблённость.

Только сейчас осознаю, что это была пора настоящего взросления и становления души, пора светлого счастья, полного тёплого участия и дружеской поддержки.

Язык и культура. О двуязычии переселенцев на историческую родину. Отклик на очерк немецкого писателя Нелли Косско «Богатство принято хранить» (журнал «Новые Земляки». 2017 год)

Тема, затронутая писателем Нелли Косско в очерке «Богатство принято хранить», в наши дни, да и всегда, была и остаётся актуальной. Прожив в Германии четверть века, я являюсь непосредственным участником и свидетелем процесса интеграции народа, немцев по историческим корням из бывшего Советского Союза, в жизнь страны, которая стала для нас и наших детей второй родиной.

При чтении этого очерка мне вспомнилось, как отец, родившийся в одном из немецких сёл на Урале, говорил своим знакомым-немцам, депортированным в годы войны вместе с ним в Сибирь: «Я хочу, чтобы мои дети не испытывали того, что испытал когда-то я. Хочу, чтобы они по настоящему адаптировались в русской среде. Им здесь жить. И я хочу, чтобы ярлык „фашисты“ не висел над их головами, как дамоклов меч». Именно отец, мой самый дорогой человек, поддержал когда-то моё решение – стать учителем русского языка и литературы, хотя я могла бы учиться и на факультете иностранных языков.

В течение жизни я поняла, что она не спрашивает нас, чего мы хотим, и сами мы не можем желаниями корректировать эту дорогу. Если судьба целого народа, русскоязычных немцев, находится и сейчас не в их руках, то кто знает, куда и как повернёт нас рок событий?

Часто вспоминаю первые годы проживания в Германии. Родственники, прожившие тогда здесь уже более пятнадцати лет, серьёзно предупредили, чтобы мы не вели на улице и в общественных местах разговоры на русском. Им было стыдно за нас перед соседями. При каждом удобном случае они напоминали, что мы не в России. Местные прерывали наши разговоры на русском теми же словами: «Если вы сюда приехали, то должны...» В душу медленно заползал страх и мысль о том, что надо приспосабливаться, подстраиваться под местное общество. Уже точно не помню, но, думаю, что именно тогда и начал проявляться комплекс неполноценности, который впоследствии помешал остаться самой собой и привёл ко многим нежелательным последствиям в знакомом окружении.

Когда я однажды сказала на работе, что у меня две родины, стоявший рядом коллега усмехнулся:

– А у меня одна родина. О чём ты говоришь, Ирене? Ты же не можешь нормально разговаривать на немецком? Какая тебе здесь родина?

Я попыталась тогда рассказать парню историю моего рода, но он не захотел слушать и не понимал, о чём я говорю. Сейчас я знаю, что он просто не хотел этого понимать.

«Так кто же мы? – думала я в тот день, придя домой и наблюдая за тем, как увлечённо общается мой шестилетний сын на немецком языке со своим новым другом, мальчиком из семьи местных немцев, с которым он недавно познакомился в школе.

Именно с того момента я начала менять стратегию обучения сына языкам. Выработала новую тактику вживания в местную среду. Так я, учитель русского языка советской школы, предала язык страны, вскормившей меня, и сознательно поменяла мнение о необходимости младшему сыну знаний русского языка.

«Ему только жить начинать. И он будет здесь продолжать свой род, так пусть уже сейчас пустит свои корни», – так решила я тогда сразу за всех: за себя, и за сына, и за будущих внуков. В тот момент совершенно забыв о величии могучего и прекрасного языка Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Достоевского, Толстого...

Старшие дети к тому времени уже вылетели из родительского гнезда. В Германию они приехали, когда дочери было семнадцать, а старшему сыну – почти 16 лет. Дети накапливали свой жизненный опыт в стране, создавали свою судьбу, имея за плечами знание русского языка, полученного в стране их рождения.

Прожив в Германии много лет, я поняла многое. Профессиональное становление старшего сына убедило в том, что знание языка никогда не бывает лишним. В детстве, примерно до 12 лет, иностранные языки усваиваются без особых усилий, а вот позже эту ошибку трудно исправить. Старшему сыну русский язык помог найти признание в среде работников путей сообщения. Начав с обучения профессии повара и закончив обучением на диетолога, он в настоящее время работает консультантом по оздоровительному питанию, частый гость в Москве, Петербурге, недавно приехал из Туркмении. Знание русского языка сыграло положительную роль в его биографии.

А младший сын, которого мы привезли в Германию в трёхлетнем возрасте, так и остался человеком, не до конца понимающим нас, своих родителей, когда мы разговариваем на русском, что порой затрудняет процесс общения. Прошли и эти годы полные забот и тревог. Сейчас он – программист, имеет постоянное место работы на одной из известных фирм, но имел бы больше возможностей профессионального роста, если бы в совершенстве владел знаниями русского языка. Да, он может сейчас читать в подлиннике Гёте и Шиллера, о чём я мечтала в своё время, но не может прочесть ни одного слова из мною написанных на русском языке дневников жизни, книг, в которые я вложила частичку души, своё понимание счастья и других важных вопросов бытия. Сын внимательно слушает мои рассказы о литературных героях, мысли и чувства их вызывают у него сопереживание. Он может дать дельный совет, направить мысль мамы-автора. Но когда я понимаю, что мои книги в оригинале, вероятно, он никогда не прочтёт, руки опускаются. Это – трагедия, когда дети не могут понять, из-за незнания и неумения различать тонкости языка, самых близких людей. Не знаю, как теперь убедить сына в том, что русский язык богат и красив, и имеет тысячи разнообразных оттенков для выражения одних и тех же чувств, описания природы и мелодии звуков.

В настоящее время работаю над созданием родословной. Могу это сделать только на русском языке. Вы бы видели удивлённый, но беспомощный взгляд сына, когда я ему рассказываю о своих находках и открытиях. Он проявляет интерес к услышанному, но сможет ли когда-нибудь продолжить дело, начатое матерью? Не знаю. А так хотелось бы! Но, может быть, ещё не всё потеряно, и в какой-то момент сын захочет заполнить эту душевную нишу и начнёт самостоятельное изучение языка страны, в которой он родился...

Всё возвращается на круги своя: я тоже вернулась к пониманию того, что не надо предавать идеалы молодости, не надо приспособливаться к обывателям, которые пытаются унизить неоднократным напоминанием о том, что мы должны забыть прошлое. Ох, как хочется верить, что через десятилетия никто не скажет в адрес наших правнуков: «Ах, вы из этого дома, в котором живут аусзидлеры?».

Очерки о немцах-переселенцах конца XX столетия

Мы здесь давно дома. О Райнольде Бейдель

На фото: Райнольд Бейдель

«В этом доме, по утрам, играет музыка.
В этом доме все когда-то будут счастливы», —

пишет мой любимый поэт Игорь Доминич. Его мечта сбылась в доме моих новых знакомых – Райнольда и Берты Бейдель, проживающих в городе Хербольтхайм в земле Баден-Вюртемберг на юге Германии. После нескольких встреч с ними, мне нетрудно было понять, что в их доме всегда звучит музыка и в нём давно поселилось счастье.

Есть люди, встречи с которыми не забываются. Они оставляют след в памяти, учат взаимопониманию, дают заряд на дальнейшую жизнь. Бывает так, что ходишь с людьми по одним и тем же улицам, встречаешься в одних и тех же зданиях, гуляешь по одним и тем же дорожкам среди виноградников, расположенных на холмах, и не можешь себе даже представить, что это твои земляки, приехавшие, как и ты, четверть века назад на свою историческую родину

из бывшего Советского Союза. С такими людьми, семьёй Берты и Райнольда Бейдель, я познакомилась недавно в интернете на сайте «Одноклассники», хотя проживаю рядом с ними уже два десятилетия.

В один из февральских вечеров 2018-го года мы встретились впервые семьями в доме земляков за щедро накрытым столом с целью – узнать друг друга получше.

– Райнольд, – обратилась я к хозяину дома, – из каких мест бывшего Союза приехала ваша семья в Германию?

– Мы приехали из посёлка Жезкент, который находится в северной части Семипалатинской области на границе с Алтайским краем. В 1991-ом году ступили на немецкую землю в Брамше. Мать, братья, сёстры переехали позже – летом 1993-го года.

– Расскажите немного о Ваших родителях. Как они оказались в Семипалатинской области?

– Мои исторические корни ведут в Германию, в землю Гессен, откуда предки по приглашению Екатерины II переселились в Поволжье, в местечко Гуссенбах. Поколения сменяли друг друга, обрабатывали земли, дробились. Но в конце девятнадцатого века встал вопрос нехватки земли. В 1893 году была проведена земельная реформа, в результате которой можно было получить в льготное пользование наделы необжитых земель в Сибири и приграничных районах тогда ещё диких степей киргизо-кайсаков (Казахстан). В 1906—1909 годах после второй земельной реформы, называемой Столыпинской, началось туда массовое переселение крестьян-переселенцев, в их числе и немцев-колонистов. Среди них были мой дед Егор Бейдель и его жена Анна-Елизабетт (в девичестве Кехтер). Там, в немецком поселении Орловка, и родился у них сын – мой отец Иоганн. Во время Второй мировой войны он был призван в трудовую армию в Нижний Тагил. Вернулся к семье только в 1947-ом году, и сразу был взят на комендатурский учёт. Так и прожил он безвыездно в Орловке всю свою жизнь: сначала насильственно, потом по привычке. Там и умер в 1979-ом году. У моей матери, Берты Бейдель, в девичестве Цорн, – своя история.

– Как мне известно, семья у Вас была большая. Проживание в немецких посёлках имеет свои особенности. Что запомнилось Вам с детства? Возможно, в посёлке сохранялись какие-то традиции, в семье – ритуалы?

– Наш посёлок по вероисповеданию – лютеранский. Главными праздниками были Ostern/ Пасха и Weihnachten/ Рождество. Хорошо запомнился период с 1954 по 1955 год. В селе тогда ещё не было электричества, пользовались керосиновой лампой. Трудно было различать лица собиравшихся по вечерам в комнате, где часто проходили обмен местными новостями и лузгание семечек. Ещё вспоминается Рождество, где я боязливо рассказывал какой-то стих на немецком. Кстати, до 1955-го года, когда пошёл в первый класс, не знал ни слова на русском языке. Помню, что на Рождество обязательно приходил Pelznikel, гремя цепями. Это – устрашающий персонаж в маске, с вывернутой наизнанку длинной шубой с длинным мехом, с грозным посохом и большим мешком за плечами. О своём приходе он извещал ударами в дверь замёрзшими коровьими лепёшками.

– Райнольд, Вы с 1948-го года рождения. Послевоенные годы были для всех трудными, но Вы сумели встать на ноги, обрести профессию и, как я знаю, не одну. Кто и что оказало влияние на становление Вашего характера, на выбор профессии?

– Я пошёл в первый класс в 1955 году. С прибытием геологоразведочной партии начался приток населения, в основном уже русского. До этого Орловка была абсолютно немецким селом. К 1963 году в школе посёлка открыли восьмой класс, который я успешно окончил. Встал

вопрос, что делать дальше? Для учёбы за пределами села нужно было получить направление от колхоза. До нашего выпуска, сначала из-за спецкомендатуры, а потом по инерции, после семилетки выпускники оставались работать в колхозе. Наш выпуск восьмилетки был первым, который решил выехать из села для получения дальнейшего образования. Доморощенные учителя появились в селе только в 70-ых годах 20 века.

Особый интерес я проявлял к рисованию, черчению, архитектуре. Но полкласса ребят отправились в автомобильный техникум, за ними и я туда пошёл. Первая профессия определила выбор второй. Случилось так, что меня пригласили в Орловскую школу преподавать машиностроение. В 1975 году, будучи отцом двух детей, я решил продолжить образование и поступил на заочное отделение в Семипалатинский педагогический институт по специальности история и обществоведение. В жизни обе профессии пригодились, но этот мой выбор был не зовом души, а скорее выбором в силу обстоятельств. Так как я – человек, привыкший доводить дело до конца, то выполнял возложенные на себя обязательства со всей ответственностью, которая мне свойственна. Самостоятельность стала чертой моего характера, а быть уверенным в себе я учился в течение жизни.

– Где и когда Вы познакомились с Вашей верной женой Бертой? Кто её родители? Она сказала мне, что ни разу не пожалела, что так рано вышла за Вас замуж. А что Вы можете сказать нам о ней?

– Моя жена Берта тоже родилась в Орловке в конце 1952 года. Она значительно младше меня, поэтому я обратил на неё внимание только тогда, когда демобилизовался из армии. Как сейчас помню, как в конце декабря после просмотра кинофильма зашёл в клуб и увидел там молоденькую симпатичную девушку. Пригласил на танец. С тех пор не расставались. В декабре 1970-го года поженились. В то время Берта училась в Политехническом техникуме на планово-экономическом отделении. Ей пришлось прервать учёбу. Через десять лет, уже имея двоих детей, она закончила бухгалтерское отделение Семипалатинского Торгового техникума и много лет до отъезда в Германию работала бухгалтером.

– Вы переехали в Германию в 1991 году. Как вам жилось первые годы интеграции в новую жизнь? Что помогло вам в Германии встать на ноги?

– Сначала мы получили направление в переселенческий лагерь в городе Эндингген на юге Германии. Дальше, как у всех: курсы немецкого языка, у меня – учёба на чертёжника машиностроения, у Берты – полтора года учёбы по профессии Bürokauffrau (товаровед). Ну, а потом мы не смогли устроиться на работу по полученным специальностям. Некогда было ждать и выбирать, устроились туда, где взяли, в сферу логистики, и четверть века работали там, до выхода на пенсию. В возрасте 55 лет я рискнул строить собственный дом. Но быстро только сказка сказывается, а дело оказалось трудным, требующим максимальных физических и психических усилий. Сейчас говорю спасибо жене за всестороннюю поддержку.

Райнольд и Берта Бейдель и их дочери Ольга, Юлия и Ирина

– Знаю, что у вас три дочери-красавицы. Расскажите немного о них. Сколько лет было каждой, когда они ступили на новую землю и каково их настоящее?

– Наши дочери, конечно же, самые лучшие в мире. Когда мы приехали в Германию старшей Ирине было 20 лет. Она подтвердила диплом горного техникума как химик-лаборант, но не нашла ему применения. Сегодня её это особо не печалит. Она – счастлива, так как любима: прекрасная жена, мать троих детей. Дочери Ольге, когда приехали в Германию, было 16 лет. Получила образование, вышла замуж, родила троих сыновей. В настоящее время работает по уходу за людьми в Доме престарелых. Пользуется уважением коллег и обитателей этого особенного дома, работа в котором требует больших физических сил и терпения. Младшая Юлия приехала на историческую родину шестилетней. В настоящее время она – счастливая мать двоих детей. Выучилась на Arzthelferin (помощник врача) и несмотря на то, что у неё дети дошкольного возраста, работает в настоящее время в финансовом учреждении секретарём. Да, мы гордимся своими девочками и очень любим внуков, которых они нам подарили.

– Вы гордитесь детьми, а они – вами, вашей активной жизненной позицией. Всё, о чём вы с Бертой мечтали, сбылось: и дом построен, и дети – повзрослели, и внуки подрастают, но нет вам обоим покоя, хочется не только материального достатка, но – и чтобы душа пела. Тем более, что вы музыкально одарены. Исполнение песен в хоре «Heimatstimme» в городе Lahr/Schwarzwald стало частью вашей жизни. Как и когда судьба связала вас с этим хоровым коллективом?

– Да, дом построен, отработали с Бертой положенный срок, вышли на заслуженный отдых. Тогда стали думать, чем занять освободившееся время? Внуки? Да. Помощь детям? Да. Но надо что-то для души. Мы с Бертой любим петь. Ещё в 2011 году познакомились с хором «Heimatstimme» в городе Lahr и до сих пор являемся активными его участниками. Там мы нашли друзей, взаимопонимание, возможность общения. Хор уже отметил своё десятилетие. Мы выступаем в общественных местах, таких как городской парк, в домах престарелых, на праздничных мероприятиях. В программе концертов – русские и немецкие песни. Правда, в настоящее время, мы остались без музыканта. Пока решается вопрос с его финансированием на уровне города, мы один раз в неделю репетируем известный нам репертуар. Мы также надеемся, что нас услышат люди, решающие подобного рода вопросы, или откликнется музыкант-энтузиаст, который на общественных началах вольётся в наш коллектив. Это сейчас большая боль и забота нашего хорового коллектива.

– Знаю, что вы с женой любите путешествовать. В каких странах вы побывали?

– Мы любим поездки к тёплому морю. Побывали на море и в исторических местах Италии, Греции, Хорватии, Испании, Франции, Турции, Египта... А моё 70-летие, отпраздновали в городе Дубай в Объединённых Арабских Эмиратах. Это была мечта обоих.

– Как вы считаете, состоялся процесс интеграции вашей семьи в новую для вас среду, или он всё ещё продолжается?

– Мы быстро пустили корни на новой родине. Все годы жизни в Германии стремились иметь работу, быть финансово независимыми. В рабочих коллективах нас уважали за трудолюбие. Нам, степнякам Семипалатинской области, природа Германии, особенно нашего края, показалась раем. Мы и сегодня не перестаём удивляться красотам страны. И мы очень горды, что принадлежим к народу, который создал эту страну. Конечно, мы и сегодня живём в двух культурах с преобладанием в быту русской: язык, телевидение, общение с друзьями. Мы намеренно говорим с внуками по-русски. Хотим передать им язык, на котором говорили большую часть нашей жизни. Нельзя не использовать такую возможность. Сегодня я могу сказать, что мы живём в своей стране. Здесь наш дом, наша родина.

Дружба – великое дело

1993-ий год. Переселенческий лагерь земли Баден-Вюртемберг на юге Германии. Здесь и познакомились мы с семьёй Галины и Павла Гоффманн. В нашем с ними прошлом мы нашли несколько точек соприкосновения. Оказалось, что и они, и мы провели много лет в сибирском краю. В Красноярск Павел с Галиной приехали в юности для поступления в политехнический институт, а наши с мужем первые годы семейной жизни тоже прошли в Красноярском крае, куда мы приехали в поисках жилья и романтики. Так что тем для общения с друзьями было предостаточно.

Да и реалии жизни в Германии связывают наши семьи. Как-то я даже сказала, что мы – родня. Ведь уже четверть века живём в одном городе, а наши дети хорошо знают друг друга, общаются между собой, насколько возможно общение молодых людей не совсем одинакового возраста. И даже не верится, что нашей дочери сейчас столько же лет, сколько было нам с мужем, когда мы впервые ступили на немецкую землю.

Первые годы – особо памятные. Мы тогда поставили перед собой определённые цели, но думали прежде всего о будущем детей. А для того, чтобы оно состоялось, нужно было заложить фундамент и ощутить его под ногами. Для этого надо было прежде всего найти работу и, желательно, постоянную. После окончания шестимесячных курсов немецкого языка начались наши походы по инстанциям в поисках работы и жилья. К тому времени уже невозможно было жить вчетвером и впятером в одной комнате в лагере, за которую наша семья в 1994-ом году платила 870 марок в месяц.

Судьба развела наши семьи тогда на некоторое время. Павел с Галиной переехали километров на двенадцать дальше от города, а мы нашли себе жильё неподалеку от переселенческого лагеря. К тому времени мы с Галиной работали по уходу за пожилыми людьми, а мужа – строителями на разных предприятиях различных близлежащих городов. А когда мы с подругой три года плечом к плечу сидели за одной партой в профессиональной школе/ Berufsschule, приобретая профессию Examinierter Altenpflegerin, медсестры по обслуживанию пожилых людей, нам казалось, что Ангел-хранитель находится где-то рядом. Сейчас думаю, что ангелами-хранителями тогда были наши мужья, Павел и Лео, которые с первых же дней проживания в новой стране нашли себя на строительных предприятиях города. Они поддерживали нас, жён и детей, материально и морально. Трудное было время. Мы влились в ряды молодых людей, многие из которых тоже переучивались, чтобы улучшить условия своего труда.

Думаю, что мы с Галиной успешно завершили обучение по этой профессии ещё и потому, что были вдвоём и всегда держались вместе. Впрочем, местные коллеги уже тогда, четверть века назад, говорили, что наши проблемы с интеграцией в новую жизнь лежат в нас самих, а не в их отношении к нам. По их мнению, мы, переселенцы, сами комплексуем, а потом пытаемся обвинить в чужих грехах местное население. Наши одноклассники желали нам добра и помогали, насколько это было возможно. Одной из них, Монике, коллеге из местных немцев, я особенно благодарна. Она всегда заезжала за мной на автомобиле, в любую погоду, зимой и летом, привозила в школу и обратно домой.

Так расширялся наш круг общения среди местных. Так вращались мы корнями в новую жизнь. По окончании профессиональной школы мы с Галиной без проблем нашли работу по профессии. Мне к тому времени было уже 48, а ей – 43 года. Спасибо подруге за то, что все эти годы она меня поддерживала морально. Не так-то прост был для меня переход от работы учителем в России к работе медицинским персоналом по уходу за больными с психическими заболеваниями. Более двадцати лет отработали мы с Галиной по профессиям, приобретённым здесь. При этом ни я, ни она ни одного дня не были безработными. Год назад я ушла на заслуженный отдых. Галине ещё предстоит немного поработать. Но так как она находит удовлетво-

рение в общении с людьми, и в трудовом коллективе её уважают как специалиста, я надеюсь, что она сможет доработать оставшиеся годы, лишь бы не подвело здоровье. По себе чувствую, что, если бы срок ухода на пенсию по старости в нашей профессии был сокращён хотя бы на два года, можно было бы этим помочь больничной кассе значительно сократить расходы на лечение.

Мне не хочется, чтобы у читателей сложилось мнение, будто мы, уехав из России, все эти четверть века только работали. Нет, мы научились организовывать и своё свободное время. Одно время у нас была одна дача – на две наши семьи. Увлечение одного из мужей рыбной ловлей – это возможность не только мужьям, но и жёнам, и детям более близкого и частого общения с природой. Дети наши к этому времени все определились. Каждый имеет за плечами годы учёбы, овладения профессиональным мастерством. Совершенствуя свои знания, они работают на различных предприятиях города. Мы гордимся ими. А они – радуются за родителей, за то, что каждый из нас доволен жизнью, молод душой, нашёл дело по призванию. В последние годы мы с друзьями стали совершать совместные поездки в дальние и ближние страны. Так, например, несколько лет назад в Париже отмечали шестидесятилетие мужу Галины, а мне – в Швейцарии, а в прошлом году вместе совершили поездку на канарский остров Тенерифе в Атлантическом океане.

Сегодня мы можем сказать, что при всех трудностях вживания в новую среду, в нас осталось главное – умение слышать и понимать друг друга, любознательность, желание открывать новые жизненные горизонты.

2015

Судьба семьи из Казахстана

С Клавой я познакомилась в первые месяцы проживания нашей семьи в Германии. Как сейчас помню, в приёмной детского врача мы с его помощницей пытаемся определить по медицинской карточке моего трёхлетнего сына, какие прививки поставлены ему в России. Я не могу вспомнить, как по-немецки звучит слово, обозначающее болезнь корь. И в этот момент неожиданно приходит на помощь молодая женщина, находящаяся в приёмной:

– Да это же прививка от болезни Masern, – громко по-русски подсказывает она мне, как само собой разумеющееся.

Клава в тот день была у врача с дочерью Татьяной, девятилетней девочкой, которая, прижавшись к матери, не выпускала её руки из своей. У нас завязался разговор на русском языке. Из него я узнала, что семья моей новой знакомой проживает с нами в одном Übergangswohnheime (переселенческом лагере). Общим оказалось и то, что Клава с мужем, двумя детьми и родителями мужа, приехали в Германию, как и мы, в конце 1992-го года, только их большая семья – из Казахстана, а мы с мужем и тремя детьми – из Западной Сибири. Жили они в Советском Союзе материально хорошо. Муж Клавы, Александр, – инженер по профессии. Сама она – бухгалтер. За плечами обоих – большой трудовой стаж. Дети радовали успехами в школе. Ради их будущего родители были готовы на многое.

И мне – это понятно. Ведь я – одна из тех, кто пропустил события, происходившие в стране Советов в 90-ые годы XX века, через свою плоть и кровь. Именно тогда я приняла сознательно решение – оставить землю, в которой родилась.

Да, в те годы, когда решалась судьба страны, которой сейчас нет на карте, коренным образом менялись и судьбы людей. В то время немцы, депортированные в Казахстан и в Сибирь во время Второй мировой войны, потоком уезжали на историческую родину предков. Семья за семьёй покидали они обжитые места, которые уже стали малой родиной для их детей.

Решение покинуть насиженные места – принимали вместе и в этой большой семье из Казахстана. Родители мужа Клавы, Яков и Агнес, хорошо помнили, как семнадцатилетними они были высланы в Карагандинскую область. Впоследствии не любили рассказывать о трудностях, пережитых в спецпоселениях и под спецкомендатурой. Главное – выжили. Наверное, так было изначально predetermined. Друг друга на чужбине, в казахстанских степях, нашли – в этом уже был их счастливый случай. Поженились. Шестерым детям жизнь дали. Кроме сына Александра у них ещё пятеро дочерей, и все с семьями проживают в Германии. Агнес и Яков всю жизнь посвятили детям и рады, что те прирастают корнями в новой земле.

Дядя Яков сыграл важную роль и в жизни моей семьи в Германии. Однажды утром я встретила его в коридоре «общежития», в котором проживало двадцать семей переселенцев, с газетой «Badische Zeitung» в руках.

– Вот смотри, здесь недалеко сдают квартиру и, на мой взгляд, недорого, – обратился он тогда ко мне.

Нам с мужем стоимость квартиры показалась тоже невысокой: 950 марок в месяц, вместе с оплатой за воду и отопление, за четыре комнаты – 95 квадратных метров общей площади. К тому времени мой муж уже работал в небольшой строительной фирме. Мы всё ещё ютились во временном жилье. Когда-то нужно было решаться «выплывать» из лагеря в нормальную жизнь. Кстати сказать, никто нас не торопил покидать это однокомнатное жильё, но никто из работников лагеря, а они являлись представителями социальных учреждений, не предлагал нам помощь в нахождении другого жилья или в нахождении работы, чтобы была возможность оплачивать новое жильё. А мой срок получения пособия по безработице – заканчивался.

Я взяла тогда из рук дяди Якова газету, позвонила по указанному номеру телефона и, – о, счастье! – нам назначили время для знакомства с хозяевами и осмотра квартиры, а ещё через несколько дней сообщили, что выбор пал на нас. В той квартире в согласии с хозяйкой, местной немкой, фрау Мойрер, мы прожили первых семь лет, пока не приобрели собственное жильё.

На какое-то время наши пути с семьёй Клавы и Александра разошлись, но мы по-прежнему проживали в одном городе. Иногда встречали друг друга на улицах и в магазинах, на праздниках и ярмарках, часто проходивших в городе.

Так прошло двадцать пять лет, и я вновь встретила Клаву, но не одну, а рядом с молодой женщиной, в которой не сразу узнала её дочь Татьяну. Мы разговорились. Мне было интересно узнать, как устроилась на немецкой земле эта семья, глубоко ли пустила свои корни.

Клава рассказала, что муж Александр все эти годы работал на бетонном заводе, куда устроился сразу после окончания шестимесячных курсов немецкого языка в том далёком девятилетнем третьем. В настоящее время он – пенсионер. Да, и заслужил это звание не только по возрасту, но и по общему трудовому стажу. А это – не шутка: в общей сложности – сорок пять лет, из них 23 года тяжёлого физического труда рабочим на бетонном заводе в Германии. Сама Клава, забыв о своей прежней профессии, работает все эти годы по монтажу приборов бытовой техники на фирме, относящейся к концерну Metallbau. В её трудовом коллективе много наших общих знакомых по переселенческому лагерю.

На мой вопрос: А как дела у сына? – Клава ответила:

– Ему сейчас тридцать шесть лет. Окончил десятилетку, затем гимназию. Учился в университете в Германии по специальности Maschinenbauingenieur. Уже несколько лет работает по профессии. В настоящее время проживает в городе Neckarulm, женился, порадовал родителей рождением внуки.

Дочь Татьяна тоже рассказала о себе. Она закончила Berufsschule (техникум). Но работать по профессии практически не получилось, потому что вышла замуж. Потом появились сыновья-двойняшки, стало не до работы. По роду деятельности мужа, он тоже из переселенцев, пришлось пожить несколько лет в России, в Москве и не только в столице. Потом родилась дочь. «Приняли решение – переехать поближе к родителям. Построились рядом с ними. Теперь, вероятно, останемся здесь навсегда».

Сейчас Татьяна с мужем находятся в поисках преподавателя русского языка для своих детей. Пришло время серьёзно обучать сыновей родному языку мамы и папы, дедушек и бабушек. Дети любознательны не по годам. Родители не сомневаются в необходимости сохранения в семье русского языка. У них даже не появляется противоречивых суждений на эту тему. Ведь не оставаться же детям в будущем в безызначности о своих корнях? Ведь не захотят же они быть людьми, не помнящими родства? Запомнились мне и слова Клавы: «Дети и внуки должны знать язык родителей. Это счастье, что они умеют говорить по-русски и понимают своих сверстников в России». С этим я совершенно согласна. Появилась даже шальная мысль: «А почему бы не открыть школу русского языка? Теперь у меня на пенсии времени хоть отбавляй. Если есть спрос, значит, и успех не заставит себя ждать».

Такие уж мы – переселенцы-аусзидлеры! Никакого нам нет покоя ни в России, ни на новой родине.

Наше продолжение – в детях. О Хильде Минор

На фото: Хильда Минор

Хильду Минор хорошо знают в нашем городе. Благодаря своему общительному доброжелательному характеру, она завоевала уважение и почёт жителей. Да и прожила Хильда здесь уже более двадцати лет, являясь постоянным участником дружеских встреч и опорой многочисленной родни.

В октябре 2017-го года Хильде Минор (в девичестве Бах) исполнилось девяносто лет. Всех родных, проживающих в Германии, пригласила она в гости, где прозвучали песни детства, голоса друзей, слова любви и признания детей, внуков и правнуков. Она, рассказала всем, что родилась на Украине в посёлке Штайнбах, где все говорили на немецком языке. Мать играла на пианино, у неё был прекрасный голос. А они – четверо сестёр и брат – пели вместе с ней и учились играть на музыкальных инструментах. В большом доме бабушки и дедушки всегда звучали старинные немецкие песни.

Но наступил 1938-ой год. Отец Хильды, он из немцев Поволжья, был арестован и расстрелян за принадлежность к немецкой национальности. Хильде исполнилось тогда десять лет. К тому времени она закончила два класса начальной школы, в которой преподавание велось только на немецком языке. Потом немецких учителей арестовали, а на смену им пришли украинские. Хильда не знала ни слова по-украински, на том её образование закончилось. Уроки стала давать ей сама жизнь. В 1941-ом году семью выслали из родных мест. Хорошо запомнился Хильде длинный, продолжавшийся в течение нескольких месяцев, путь в казахстанские

степи. А когда девушке исполнилось шестнадцать лет, её вырвали из семьи и отправили в так называемую трудармию, в город Тула. Там, вспоминает Хильда, «они посадили нас за колючую проволоку как опасных преступников и содержали под надзором собак. Мы должны были спускаться вниз, в штольню, где добывают уголь. Дважды тогда я была на грани смерти, но Бог ещё не хотел забирать. Мы были молоды, а сколько стариков умерло...».

В трудармии девушка вышла замуж за Иоганна, парня немецкой национальности. После того как с ним произошёл несчастный случай, и он не смог больше работать в шахте, начали подумывать о переезде. А когда появилась реальная возможность воссоединения в Сибири с родными мужа, депортированными туда во время войны, семья Минор переехала к ним в Красноярский край. К тому времени у них уже было четверо детей: дочь и три сына. Там многие годы Иоганн работал сварщиком, а Хильда – разнорабочей. Но и эти хорошие времена закончились. Муж умер в 1975-ом году.

Хильда Минор хорошо помнила слова матери: «Если у вас появится возможность, уезжайте на вашу родину в Германию, не оставайтесь в России». Эти слова – сбылись. Сёстры и брат фрау Хильды, да и все её дети проживают сегодня семьями в Германии, в Шварцвальде: Виктор с Любой – в городе Лёфинген, Вилли с Надеждой – в городе Хербольцхайм, Иван с Ниной и Анна – в городе Кенцинген, недалеко от матери. Все они с первого же года проживания на новой родине трудятся на предприятиях близлежащих городов. Старшая дочь Анна уже год на пенсии. Она отработала в Германии на фирме, на контроле компьютерных схем, ни мало, ни много, а почти двадцать лет. Её дочь Таня, выучившись на парикмахера, а затем, сдав экзамен на мастера, уже больше десяти лет работает по этой профессии. Муж Татьяны тоже трудится. В семье растут сыновья-двойняшки. Анна помогает дочери в воспитании внуков, которые в ней, как и в прабабушке Хильде, души не чают. Внуков у бабушки Хильды – десять, столько же правнуков. А сегодня я услышала от неё, что скоро появится на свет и первый праправнук. «Наше продолжение – в детях», – это любимые слова. Хильды Минор. Не смотря на возраст, она не забывает их поздравить с днём рождения. Даты надёжно хранит в памяти. Только по выросшим внукам бабушка замечает быстрый бег времени. Она гордится всеми. Да и как не гордиться. К примеру, сын Ивана, Сергей, овладел профессией механика, работает на станках с программированным управлением, а дочка Лена, выучившись на экономиста, больше десяти лет работает на фирме менеджером в отделе маркетинга. Их сын, Александр, радуется всех своими спортивными достижениями. Ему – 14 лет, а у него уже чёрный пояс каратиста, даже в газетах пишут о его победах.

Бабушка Минор рассказала мне и о внучке Наталье, дочери сына Василия. Закончив гимназию, она поступила в университет в Штутгарте. Там проучилась шесть лет. В настоящее время работает технологом на большой фирме в городе Фрайбург. А у внука Ивана с Леной, брата Натальи, полтора года назад, на радость всей родни, родились тоже двойняшки – Филипп и Эрик.

Фрау Минор не сомневалась, что все приедут на праздник её поздравить, поделятся радостями, новыми достижениями и споют для неё её любимые песни. Ведь дети, их жёны и многие внуки обладают музыкальными способностями и хорошими голосами. Хильда сама всю жизнь поёт под собственный аккомпанемент на гитаре старинные немецкие и русские народные песни, оставшиеся в памяти с детства.

«Так прорастают наши корни и получают своё продолжение в детях, внуках и правнуках», – любимые слова Хильды Минор. И – по праву!

* * *

Хильда Минор ушла из жизни 12 апреля 2019 года. Но память о ней жива в сердцах тех, кому посчастливилось её знать.

Мы – потомки меннонитов

Телефон зазвонил неожиданно. Незнакомец представился:

– Мы с вами, Ирене, познакомились на сайте «Одноклассники». Я помогаю Вам в составлении Вашей родословной. Но, может быть, я выбрал неудачное время для разговора?

– Ну, что Вы! У меня для Вас, Василий, всегда найдётся время.

– Ирене, вы спросили меня по электронной почте, откуда я родом и что знаю о меннонитах как о религиозном течении? Я решил ответить Вам по телефону, так как в нескольких словах на эти вопросы не ответишь.

Так начался наш разговор на расстоянии в несколько сотен километров. Как выяснилось, мой новый знакомый проживает с семьёй в Германии с 1994 года. Днём он занят на работе, а любимое занятие в свободное время – это изучение истории предков, меннонитов по вероисповеданию. Как раз в этом и пересеклись наши интересы.

Василий родился, как и его мама, в Сибири, а его бабушка с маминой стороны – в Оренбуржье. Его отец родом из Донецкой области на Украине, а все другие предки родились в Хортице и Молочной и их дочерних колониях на территории Екатеринославской и Таврической губерний юга России или, ранее, в Германии, Западной Пруссии, Польше, Голландии, Австрии, Швейцарии. Это явилось второй точкой соприкосновения наших интересов.

Отец моего собеседника умер в 37 лет. Судьба оказалась к нему жестокой. Не пожив, не вырастив детей, не узнав, как сложится их судьба, он ушёл в мир своих прародителей, оставив детям искорку своего сердца. И она разгорелась. Его сын заинтересовался судьбой родителей и узнал о них много, а также, что они, их родители, деды и прадеды во многих поколениях были по их вероисповеданию меннонитами. Он нашёл необходимые сведения о своих предках и составил свою родословную на основе множества документов и источников. Увлёкся изучением материалов о людях, объединённых одним религиозным течением. Он восхищён ими – сильными, волевыми, умными, трудолюбивыми. Мой новый знакомый не остановился на этом, он начал помогать и другим отыскивать их исторические корни.

Родословной моего отца я интересуюсь давно. Воспоминания детства вели меня по жизни в поисках его следов. Написала очерки «Незапрограммированная родословная» и «Немного о прошлом», задумала написать книгу о братьях и сестре отца, проживавших много лет, вплоть до переезда в Германию, в Оренбургской области. Именно туда привели и моего нового знакомого следы предков. На моё предложение помочь, он ответил согласием, а я, в свою очередь, выслала ему имеющиеся у меня данные о моей родне. Забегая вперёд, скажу: «И – он помог, прислав мне сведения о моих предках более чем за 200 лет!».

А во время описываемого мною сейчас разговора была проложена тропинка к поиску их следов. Кое-что, из услышанного в тот день, мне было известно и раньше, но некоторые моменты требовали разъяснения. На мои вопросы собеседник сразу находил ответы, которые в свою очередь пробуждали во мне природой заложенное любопытство. Словами: «Мне кажется, мы все между собой родня, – он разжигал во мне желание немедленно углубиться в прошлое. – И наши с Вами корни могут соприкоснуться в одном из поколений. Ведь тогда, как и сейчас, создавались новые семейства, рождались дети, а у наших предков их было много».

«Да, да, – подтвердила я его слова. – Так в семье моего деда, Исаака Исааковича Креккер, который был из семьи меннонитов, было девять детей, двое умерли малолетними, но остальные выжили и вернулись в Германию, в места предполагаемого проживания их предков».

– С какого момента можно вести отсчёт возникновения этого религиозного течения? – спросила я моего нового знакомого.

– На этот вопрос есть точный ответ, – ответил он мне. – На анабаптистском конгрессе в 1536-ом году был принят манифест о неприятии насильственных методов преобразова-

ния мира. Выразителем таких воззрений стал голландский католический священник Менно Симонс, с уважением относившийся к реформам Мартина Лютера.

– Да, да, я читала об этом в книге Егора Гамма «Миролюбовка – наша Родина». Это – воспоминания такого же, как мы с Вами, потомка меннонитов. Простым доступным языком он рассказывает о том, как и в Нидерландах, и в Германии меннониты жестоко преследовались и постепенно переселились в Северную Германию – в прибрежные районы Северного моря, в нынешний Гамбург, Алтону, Олденбург, в Западную Пруссию и Польшу.

Так мы подошли к вопросу: Сколько же лет проживали меннониты в Западной Пруссии, до того, как они начали переселяться на территорию России? Из книги Егора Гамма я уже знала, что в Западной Пруссии и в Польше они прожили примерно 200 лет. Здесь у них окончательно сложился диалект «платтдойч / простой нижненемецкий».

– Почему меннониты поменяли место жительства и переехали в Россию? – спросила я моего нового знакомого.

– Во-первых, чтобы освободить сыновей от воинской повинности, вновь введённой прусским королём, так как меннониты придерживались по вере заповеди – не брать в руки оружие и не занимать государственных постов, а, во-вторых, им понадобились новые земли, – ответил он, ни на минуту не задумываясь. – Ведь семейства разрастались, а земля у них по наследству передавалась одному из сыновей. Многие мужчины, не получившие в наследство земельные наделы, становились ремесленниками. Позже они и их взрослые сыновья уезжали в другие места в поисках работы. За пару веков, когда меннониты, в основном из Голландии, и их потомки селились в прибрежных районах Балтийского моря и поймах рек в Польше и Западной Пруссии, их количество сильно увеличилось.

Прошло ещё почти столетие. Светские школы, межконфессиональные смешанные браки, да и не только это, разрушали устои меннонитских общин. Нужно было принимать кардинальные решения. Всё было не так-то просто в те времена. И нужно хорошо знать историю, чтобы ответить на вопрос: почему не только меннониты, но и немцы всех конфессий начали перебираться на редко заселённые земли юга России, на побережье Чёрного и Азовского морей, да и на Волгу, в районы сегодняшних Саратовской и Самарской областей? Ведь именно в то время Россия столкнулась с проблемой освоения земель, завоёванных у Османской империи. Тогда появились один за другим два манифеста Екатерины Второй. Первый, обращённый к немцам, а второй – ко всем иностранцам, с приглашением их в Россию. Во втором, выпущенном в июле 1763-го года, переселенцам были гарантированы конкретные льготы, в частности, касающиеся вероисповедания в соответствии с религиозными законами и традициями. Кроме того, там был пункт, оказавшийся решающим для меннонитов: «Никто из прибывших в Россию не принуждается к несению государственной или военной службы». Прибывшие на новые земли освобождались на 30 лет от налогов. Для более поздних переселенцев-колонистов земля поступала в их вечное распоряжение с правом передачи по наследству. Кроме того, в манифест Екатерины Второй было включено положение, в соответствии с которым колонисты подчинялись непосредственно короне империи и, как свободные граждане, могли в любой момент покинуть Россию.

– Теперь я понимаю, – перебила я собеседника, – почему мои предки-меннониты из Западной Пруссии покинули обжитые места и отправились в дорогу. Вероятно, через Данциг они шли в Екатеринославскую губернию на юг России, в нынешнюю Днепропетровскую область в Украине. Ведь здесь, на речке Хортице, была образована первая меннонитская колония.

– Да, Ирене, но... – услышала я тут же его возражение. – Ваш прадед Исаак Исаакович Крекер с семьёй числится в списках колонии Молочная, располагавшейся на реке с одноимённым названием в Таврической губернии на юге России. Позже эта колония стала центром жизни меннонитов большого региона на Чёрном и Азовском морях. А в конце девятнадцатого

века меннониты тронулись дальше, вглубь России. Там они образовали колонию Новая Самара в Самарской губернии (сегодня эти сёла относятся к Оренбургской области) и заселили земли Оренбуржья во многих сёлах колонии Деевка в Переволоцком районе.

– Стоп, – остановила я моего собеседника. – Именно там поселился мой дед Исаак Исаакович с семьёй. Не могу понять, почему всем главам семей в трёх поколениях было дано имя Исаак?

– Ничего тут странного нет, – ответил он сразу. – Имена первоначально давались по Библии, и первые три сына получали в основном имена в честь отца и двух дедов, а первые три дочери – в честь двух бабушек и матери...

– Понятно, а я всё пытаюсь разобраться в национальности предков моего отца.

Я почувствовала даже через пространство, как мой собеседник улыбнулся моему наивному вопросу.

– Ирине, о какой национальности Вы говорите? Кто вносил её тогда в паспорта? Да и паспорта тогда не у всех были, а на западе и тогда, и сегодня имеют понятие гражданство, а не национальность. Некоторые из наших предков называли себя голландцами, так как из поколения в поколение передавалось, что предки приехали из Голландии. К германской группе относятся языки в Германии, Голландии, Австрии, Швейцарии, Лихтенштейне, и на каком бы диалекте там ни говорили, все они относятся к немецкой группе языков.

– Да, отец говорил, что их язык, который он впитал в себя с молоком матери, был диалект «платтдойч», похожий на голландский.

Я вспомнила, как несколько раз к нам в Сибирь, в гости, приезжали родственники отца из немецких посёлков Кутерля и Луговск Оренбургской области. Когда они общались между собой, я не понимала ни слова. Когда же мать с отцом разговаривали на немецком, я прекрасно понимала их речь. Прошли годы, прежде чем мне стало известно, что мама – швабка из немецкого посёлка Катариненфельд, расположенного на Кавказе в Грузии, и что она не понимала папин диалект, поэтому они разговаривали между собой на литературном немецком, который изучали в школах своих немецких посёлков.

Мой собеседник тоже рассказал о том, что впитал в себя сначала от родителей и бабушки диалект «платтдойч», а уже потом, в школе, учил литературный немецкий и, как сейчас ему известно, этот диалект «платтдойч» был распространён вдоль побережья Северного и Балтийского морей от Голландии до Кёнигсберга до того, как ввели сегодняшний обобщённый немецкий язык, так как надо было как-то объединить более двухсот разных диалектов, существовавших раньше.

Так мы в разговоре от воспоминаний переходили к настоящему, затем снова погружались в прошлое. Благодаря моему собеседнику я, наконец, уяснила, что меннонитство, как религиозное течение, прошло в своём развитии несколько стадий.

В конце разговора Василий как бы подытожил:

– Мы с вами, Ирине, люди из одного прошлого, из одной страны.

А я добавила:

– Из одного детства и юности. У нас похожие мысли, мы пользуемся одинаковой лексикой, у нас общие интересы.

– Но – главное, – как эхом отозвался он. – Мы любили своих отцов, матерей и уважаем своих прародителей.

Мой собеседник, несомненно, прав. Я любила своего отца, мы с ним были родственные души. Он чувствовал меня, читал мысли на расстоянии, давал ненавязчивые советы, помогал понимать взаимоотношения между людьми, учил выживать в любой ситуации. Когда в 54-летнем возрасте ушёл из жизни, мир для меня рухнул. Сегодня я пытаюсь восстановить историю рода отца, следы которого имеются в документах, справках из архивов, в немногочисленных

записках очевидцев событий. Из нашего разговора с моим новым знакомым я поняла, что мы, потомки меннонитов, объединив наши усилия, добьёмся лучших результатов.

Разговор с ним продолжался полтора часа. Нам было о чём рассказать друг другу, о чём спросить, что вспомнить, над чем посмеяться, о чём погрустить. В тот день я, наконец, поняла, что нельзя откладывать на потом то, что нужно сделать сегодня. И это для меня – главный итог нашего разговора.

Поздно вечером мой младший сын-программист, придя с работы домой, уже скачивал для меня программу, предложенную моим знакомым, с помощью которой можно будет легче систематизировать сведения о своих исторических корнях. В какой-то момент он, подняв на меня глаза, сказал, как выдохнул:

– Потомки... Это ведь я пока последний, кто должен продолжить наш род?

Эти слова сына убедили меня в том, что нахожусь на правильном пути, решив посвятить своё свободное время изучению родословной. Программа, найденная в интернете, оказалась на немецком языке. Теперь уже и для моего сына, не умеющего читать на русском, нет никаких препятствий для изучения исторических корней своего рода. Вот так и продолжают личные исследования родословной, и не только мои, но и моих соотечественников. И когда-нибудь наши пути в поисках следов предков пересекутся, соприкоснутся. И если не наши, то наших детей или внуков.

Пути Господни неисповедимы, причудливы и совершенны. И они приведут нас к истине.

Моя родина – Германия. О Наталье Минор

На фото: Мать и дочь – Надежда
и Наталья Минор в Париже

Семья Василия и Надежды Минор переехала в Германию, в город Кенцинген, когда наша уже проживала здесь более трёх лет. С Надеждой Минор, в то время женщиной примерно сорокалетнего возраста, я познакомилась на первом родительском собрании наших младших детей, учеников первого класса. После собрания мы разговорились.

Из рассказа Надежды я узнала, что в Германию их семья переехала из Красноярского края. В России Надежда работала учителем математики, а её муж Василий – зоотехником. Не материальные причины заставили их покинуть родные сибирские места.

После той первой встречи прошло двадцать лет. Это были годы адаптации и интеграции в новую жизнь родителей и детей семьи Минор – двух старших их сыновей, Александра и Ивана, и дочери Натальи. У сыновей сложилось всё не сразу, как бы хотелось, а вот дочь Наталья, с которой я познакомилась ещё в первый день её школьной жизни, достигла многого.

Случайно встретившись с Натальей на улице города, я не сразу узнала её. Она была совсем не похожа на ту скованную девчушку, какой я помню её в первый день на школьном дворе. Как выяснилось, Наталья тоже помнит этот день, а ещё – и первый урок, когда учитель показывал им одну за другой иллюстрации. «Я подняла руку, – вспоминает она, – чтобы назвать знакомую картину, но вдруг поняла, что не знаю, как это сказать по-немецки. После этого слушая старалась держаться в тени, чтобы меня не высмеивали за недостаточное знание немецкого языка и иностранный акцент. Одноклассники относились ко мне скептически и считали смешной. Сегодня, оглядываясь назад, я очень благодарна моей первой учительнице, которая помогла мне влиться в их среду. Я тогда была восьмилетним ребёнком. В этом возрасте почти не замечаешь, как быстро овладеваешь языком». «Дай-то бог, – подумала я, слушая Наталью, –

чтобы также проходил процесс овладения немецким языком и у других русскоязычных детей». У нас, родителей, в первые дни проживания в новой стране, не было времени вникать в мысли и чувства своих детей.

Я знала, что, закончив начальную школу, Наталья получила направление в девятилетку. Потом семья переехала. Из рассказа Натальи я поняла, что сначала родители помогли ей найти возможность для сдачи теста, чтобы продолжить обучение не в девятилетке, а в средней школе. Тест она прошла успешно. В девятом классе Наталья уже сама давала уроки математики соседу по дому. После окончания десятилетки, поступила в гимназию во Фрайбурге. В эти годы у неё появился интерес к биологии, как предмету, и в какой-то момент она приняла решение изучать естественные науки, а по окончании гимназии поступила в университет в Штутгарте, где в общей сложности проучилась шесть лет.

Конечно же, в этот период ей много помогали родители, но, чтобы закончить обучение в университете, нужен был сильный характер. Сегодня Наталья не сомневается, что унаследовала его от бабушки Хильды и родителей. И я не сомневаюсь в том, что личностные качества – сплав характеров Миноров и Андреевых, родственников по линии матери, – сделали своё дело.

Наталья, рассказывая мне о себе, как-то незаметно перешла на немецкий язык. Я не оставила её, хорошо понимая, что трудно говорить на русском, если думаешь на немецком. Но вскоре она опять перешла на русский:

«Я не хотела обременять родителей просьбами о деньгах, искала и находила пути хоть небольшого, но заработка. Так я вошла в студенческую группу, которая защищала интересы иностранных студентов в период их обучения в других странах. Благодаря этому у меня появилась возможность посетить несколько университетов за рубежом и познакомиться с интересными людьми. Это было лучшее время моей студенческой жизни, так как в это время я научилась многому и преодолела страх в общении с людьми. Кроме того, я побывала во многих странах, познакомилась с системой обучения в университетах Польши, Чехии, Кении. Я везде чувствовала себя как дома. Для меня важно понять культуру другого народа, а разговоры о менталитете меня раздражают, я не люблю стереотипное мышление».

Уже предугадывая заранее ответ, я спросила Наталью, какую страну она считает своей родиной и какой язык для неё является главным?

Она ответила, не задумываясь: «Так как в Германии я провела две трети моей жизни, Германия – мой дом. Немецкий – это язык, благодаря которому я себя хорошо чувствую и на котором могу себя выразить. Русское происхождение и русский язык, конечно, тоже не должны быть забытыми. Для меня всегда было важно знать один славянский язык, на котором я могу понимать другие славянские языки и передавать понятое дальше. К сожалению, я знакома только с основами русского языка, так как почти не училась в России в школе, но хочу, чтобы мои будущие дети знали русский язык».

Наталья считает, что истинным примером интеграции в новую среду на новой родине являются её родители. «Добившись многого в России, но начав в Германии жизнь с нуля, а трудовую деятельность – с младшего обслуживающего персонала, они, совершенствуя знание немецкого языка, работая с первых дней младшим обслуживающим персоналом, стали в настоящее время специалистами: папа руководит обслуживающим персоналом известного во всём мире „Европа-парка“, а мама, закончив трёхгодичную профессиональную школу, в течение многих лет работает медсестрой. Я горжусь своими родителями».

Я тоже горжусь Василием и Надеждой Минор, как и самой Натальей, которая своими успехами сумела доказать, чего можно достичь, если поставить цель, уметь найти пути её решения и верить в успех. И тогда внутренние силы, заложенные первоначально в человеке, прорастут, а позже продолжат родственные связи в детях и внуках.

Прошло пять лет после написания и опубликования этой статьи. За это время в семье Минор произошло много изменений. Жизнь продолжается.

Счастье – это когда тебя понимают

На фото: Анна Кремер

Моей собеседнице Анне Кремер, в девичестве Гейнц, сейчас 38 лет. Она замужем за местным парнем Патриком. В настоящее время семья проживает в городе Кенцинген земли Баден-Вюртемберг в новом доме, купленном в рассрочку. Оба работают. Анна, после 10 лет работы информационным программистом (Fachinformatikerin für Anwendungsentwicklung) в компьютерной фирме «Web-Commerze», находилась некоторое время в декретном отпуске по воспитанию дочки Клары-Иды. Сейчас она продолжает работать на прежнем месте в том же бюро.

Родители Анны, Александр Гейнц и Ида (в девичестве – Орман) приехали в Германию из Киргизии. Там они познакомились, там и поженились. Одна за другой, с разницей в три года, появились на свет дочери – Аня и Оля. Александр работал тогда в сельскохозяйственных мастерских, а Ида, получив техническое образование и более десяти лет проработав в совхозе, посвятила себя воспитанию детей.

В Германию на постоянное место жительства приехали в 1992-ом году. Здесь в то время уже проживали их родственники по отцовской и материнской линии. Родня у них большая. Когда собираются на семейные торжества со всей Германии, то насчитывается с детьми и стариками не менее ста человек. С каждым годом этот круг становится шире. Одних кузин и кузенов – не перечить. А если к ним их детей прибавить?!

Я знаю эту семью много лет. В доме Александра и Иды всегда царит дух взаимопонимания и взаимовыручки. Здесь все и всегда думают друг о друге. Это душевное единение помогло каждому в первые дни жизни в Германии встать на ноги. А жизнь с первых же дней захлест-

нула. Александр, при его неплохом знании немецкого языка, сразу нашёл работу на одном из предприятий города Эндинген. Там, в общей сложности, он проработал около 25 лет, пользуясь уважением хозяев фирмы и работников предприятия. Сейчас он на заслуженном отдыхе. Жене Иде пришлось много лет ухаживать за престарелыми родителями, одновременно работая по найму. В декабре 2017 года она вышла на пенсию, имея общий стаж работы сорок пять лет. Нужно было помочь дочери в воспитании внучки. У младшей дочери Ольги тоже сложилось всё хорошо. Она закончила фармацевтический техникум и уже в течение многих лет работает по специальности в аптеке одного из близлежащих курортных городов. Замужем. В настоящее время находится в декретном отпуске. Малышу Роману недавно исполнился один год.

У каждой из сестёр свои детские и юношеские воспоминания. Они хорошо помнят и деда Ормана, отца матери. Его и дедом-то трудно было назвать: всегда опрятно одетый, подтянутый, ни минуты не сидел сложа руки. Родившись в немецкой семье, в Одесской области, с детства знал, что такое труд. Во время войны находился в армии. Оттуда был выслан на Урал, в Карпинск, работал в трудармии на открытой добыче угля. Здесь и встретил свою будущую жену, с которой прожил всю жизнь, деля радости и горести, воспитывая детей и внуков.

Анна признаётся мне, что мало знает о жизни бабушек и дедушек, но хорошо помнит, что они всегда мечтали вернуться на историческую родину своих предков. Интерес к родословной у Анны с сестрой Олей с каждым годом растёт, тем более что в семье часто ведутся разговоры о родственных корнях, ведущих в глубь истории. На новой родине семья прожила четверть века, уже можно подводить первые итоги.

Мне интересно беседовать с Анной, которая с улыбкой вспоминает первые дни проживания в новой стране: «Это был культурный шок. Шум стоял на уроках и переменах. Мы ведь приехали из страны, где были бравыми октябрятами, на уроках не делали лишних движений, молча внимали учителям. В год приезда в Германию мне было девять лет. В моём классе не было никого, с кем бы можно было общаться по-русски. Со временем появились подруги. Постепенно немецкий стал языком общения, а любимым предметом – математика». А сегодня Анна – специалист-программист, пользующийся в коллективе большим уважением. Она постоянно совершенствует свои знания, обучаясь на заочном отделении в университете.

Молодая женщина поделилась со мной и мыслями по поводу общения в русскоязычных семьях: «Я разговариваю почти всегда на немецком, но хотелось бы больше говорить по-русски. С каждым годом это становится всё труднее. Я не говорю на русском, потому что боюсь неправильно поставить ударение или не сразу могу найти подходящее слово. Я не думаю, что нам русский нужен обязательно, но это прекрасно, если можешь на нём говорить. С удовольствием читаю по-русски или брожу по русским сайтам, общаюсь с русскоговорящими в интернете. Во время поездки в Турцию знание русского языка помогало в общении. Моей дочурке всего год, но уже сейчас я стараюсь привить ей чутьё к языку моих родителей, пою русские песни, называю предметы, окружающие нас не только по-немецки, но и по-русски. Я надеюсь, что она многому научится и от моих родителей».

Во время разговора с Анной, мне вспомнилось, как мой отец всегда хотел, чтобы я вышла замуж за парня с немецкой национальностью. Он боялся, что его дочь могут обидеть, назвать фашисткой. Да, времена меняются. Зная, что у Анны муж – местный немец, задаю ей важный для меня вопрос: происходят ли в их семье конфликты на основе недопонимания или разных воззрений по отдельным вопросам? При мысли о муже молодая женщина тепло улыбается: «Мы знаем друг друга уже двадцать лет. Муж у меня – любитель-рыбак и в прошлом – футболист. На мелочи жизни он не обращает внимания. Мои русские особенности хорошо принимаются им и его родителями, коренными немцами. Наша свадьба была смешением русских и немецких обычаев, и всё получилось прекрасно».

В настоящее время Анна думает больше о родных, чем о себе. Удивляется, что совсем недавно рост по служебной лесенке казался ей важным. О карьере она пока не думает. Для неё высшее счастье – находиться рядом с родными.

Анна Кремер желает всем читателям – встречать по жизни только таких людей, которые делают их счастливыми. Каждому человеку нужно просто понять, чего он хочет, добиваться этого и быть довольным тем, что имеет.

Жизнь длиною в век

На фото: Андрей Шперлинг с дочерьми: Лидией, Ольгой и Марией

«Жизнь, как идёт, так и надо её принимать. Не бывает, чтобы всё было хорошо. Вот живу 90 лет, всякое в жизни бывало, но я никогда не обижался на неё, принимал такой, какая она есть». Эти слова Андрея Карповича Шперлинг – основа его жизненной философии. Повторяет он их часто, как давно выстраданное и продуманное.

Родился Андрей Шперлинг в 1929 году на Украине в селе Хрещатики Полтавской области. «Из большого рода Шперлингов под этой фамилией я остался один. Мой дед (1853—1934) Хайнрих Шперлинг до революции работал при церкви, был богатым и влиятельным человеком. Век деда был 80 лет». Бабушку Андрея звали Мария-Катринавайс. Она родилась в 1855-ом, на два года позже деда, но умерла с ним в один год. Детей в их семье было четверо: это – Софья (1900—1978), мужем которой стал Георг Кнорр (1898—1933), у них в семье двое детей; Каспар (1903—1942), взявший в жёны Шарлотту Штумф, у них трое детей; Хайнрих (1908—1999), родные его звали Андреем, женат он был первым браком на Лаукерт Марии (1908—1994), в их семье – четверо детей и Мария (1912—1933), умершая в юношеском возрасте.

Дед и его семья почувствовали на себе исторические события конца 19-го – начала 20 века, стали свидетелями Первой мировой войны, двух революций и ещё многого, связанного с ними. Односельчане уважали деда за простой нрав, порядочность и трудолюбие, но в то же время были такие, которые завидовали и ненавидели его. «При советской власти церкви закрыли, – рассказывает Андрей Карпович, – у деда забрали всё, чем он владел: землю, мельницу, конюшню с лошадьми, скотину, дом. Его собственность стала основой для создания колхоза».

Отец Андрея, Каспар, третий сын в семье деда, родился тоже в селе Хрещатико. Как проходила его молодость, Андрею Карповичу не известно, но то, что отец был в деда под два метра ростом, широкоплечий и статный красавец, он хорошо помнит. Жену Шарлотту, мать Андрея, отец выбирал, наверное, по принципу – мал золотник, да дорог. Шарлотта, в девичестве Штумф (1904—1933), была маленького роста, трудолюбивая и прилежная женщина. Молодая семья на первых порах проживала в доме деда. Один за другим появились у Каспара с Шарлоттой двое сыновей: Иван (Йоханн) – в 1926-ом году и почти через три года – Андрей. Когда Каспара в 1933 году арестовали, Шарлотта была беременная. Родилась девочка, назвали её Марией. Она прожила всего несколько месяцев. Лишившись крова, дед с бабушкой и их сын Каспар с семьёй вынуждены были переехать к дочери деда – Софье – для дальнейшего там проживания.

Годы 1933—1934 – стали самыми страшными для семейства Шперлингов. Андрей хорошо помнит, как однажды утром пришли какие-то люди и забрали отца в сельсовет. Домой он больше не вернулся. В том же году умерла младшая сестра отца Мария и его жена Шарлотта, мать Андрея. В 1934-ом ушли из жизни бабушка Мария-Катаринавайс и дед Хайнрих. Андрей Карпович говорит сегодня, что причиной всех этих несчастий был голод. Он хорошо помнит, как умерла мать. «В тот день мы с братом сидели на печи и сверху видели, как она кормила младенца-сестричку, потом уронила голову на стол, а там и сама свалилась на пол. Брат Иван был старшим. Он сразу понял, что произошло, побежал к тётке Софье за помощью», – вспоминает Андрей.

Через какое-то время вернулся домой отец. Где он находился всё это время, родные до сих пор не знают. Узнав о смерти жены и родителей, отец забрал сыновей к себе, по словам Андрея, пошёл жить к знакомой женщине, дом которой стоял на краю села. Он хотел жениться на ней, но не успел, так как вновь был арестован. Второй арест отца пришёлся на тот же 1933 год. «Мачеха оказалась женщиной бедной, – вспоминает Андрей Карпович. – Её дочь Софья была на несколько лет старше меня, но это дела не меняло. Кушать в семье было нечего, и в какой-то момент я убежал из дому. Ушёл на дорогу. Мне тогда шёл пятый год. Я – уличный. А жизнь брата Ивана сложилась иначе. Он остался тогда у тётки, прижился там, повзрослев, женился. В браке имел 10 детей. В живых сейчас осталось семеро. Все проживают в Германии. Иван прожил долгую жизнь, умер в 2018-ом году в Германии в городе Норден в возрасте 93 года».

С 1933 года Андрей, Андрюшка, как его называли в селе, строил свою жизнь сам. Он отчётливо помнит, как ютился под крыльцом бывшей католической церкви, спал, зарывшись в траву, и в яслях у коровы Райки с собакой Найдой. Нечёсанный, невымытый, проводил дни в поисках пищи, помогая всем и каждой бабушке в отдельности. Он приносил им картошку с поля, делал всё, в чём нуждались, а они, кто рубашку стирает, кто отмое, оладушками накормит, ту же картошку сварит, да ещё скажет: «Ты нас спасаешь, Андрюшка». Рукастый он был. Всё умел с малолетства: глаза видели, руки делали. «Трудно было всем в те годы, – вспоминает он сейчас, – но люди, хоть и были бедными, жадными не были. С годами научился многому». Его в селе любили за простодушный нрав, трудолюбие, бескорыстную помощь.

Голодомор на Украине. Об этом времени Андрей Карпович вспоминает часто. Много людей тогда унёс голод, мало кто выдержал в те жестокие годы. «Рассказать это трудно, нужно такое пережить, чтобы понять. Ужас, как жили люди. А я валенки подшивал, ведёрко мог смастерить, мебель ремонтировал...» Сказать сейчас, что чужие люди воспитали, было бы неправдой. Жизнь воспитывала, но сыном села назвать можно. «Я помогал людям, они отвечали мне заботой и любовью,» – рассказывает Андрей Карпович, с улыбкой вспоминая те далёкие тридцатые годы. Зимы были тогда сильно лютые, морозные, а он бегал босой или в рваных лаптях. «В какой-то год ноги перестали двигаться. Кто-то пожалел, подобрал на дороге, отдал в боль-

ницу, где я пролежал больше двух лет. Никому в то время был не нужен, никто меня не навещал. Очень я страдал от этого».

Помог случай. Нашлась всё же родная душа и у Андрейки. Жена дядьки Андрея, Мария Лаукерт, случайно приехав в деревню, узнала о судьбе мальчика. В 1938 году они забрали его в свою семью в Ростов. Три года жил у них Андрей. За это время окончил два класса начальной школы. Казалось бы, в его жизни всё наладилось, но началась Вторая мировая война. Дядьку Андрея и жену с детьми, как немцев, в разных эшелонах повезли в Польшу. Мария с детьми тогда до Польши не доехала, а Андрей пропал без вести. Родные думали, что он погиб. Но через много лет узнали, что жив Лаукерт (Шперлинг) Андрей, и что он – гражданин Германии. Андрей же, в свою очередь, проживая в Германии, решил, что жена погибла, женился на немке Зелме. Во втором браке у него сын Адель, в настоящее время проживающий в немецком городе Целле. Дядя похоронен в городе Целле. Он так и не встретился больше с женой Марией и детьми, проживающими в Сибири.

Но вернёмся к жизненной истории подростка Андрея Шперлинг. Его в тринадцатилетнем возрасте вместе с остальными немцами посёлка депортировали в Сибирь. Среди жителей было много немцев и чувашей. Жили они очень бедно, но относились к мальчику, как к родному. Он помогал им по хозяйству. «Смекалистый был, это и выручало. Видел, в чём люди нуждались, и мастерил различные приспособления, которые в хозяйстве помогали: из ковыля делал кисти для побелки, кисточки для покраски. «Отец друга Данилы, – вспоминает дед Андрей, – научил меня «корчажки» плести для ловли рыбы, подкормку делать из конских копыт, которые везде валялись, обжаривать их на костре. Рыба на них шла, не поверите, по полведра ловил». Вспоминая те дни, Андрей приходит к мысли, что многие выжили тогда благодаря рыбе. Он приносил её тем же бабушкам и слышал от них приятные для него слова: «Ты – наш божий дар». Сейчас он часто вспоминает слова отца друга: «Смотри, Андрейка, и запоминай. Всё в жизни пригодится». «И – пригодилось, – говорит он по прошествии времени. – Как я выжил, не знаю. Наверное, закалился, мой характер. Жизнь, как идёт, так и надо её принимать. Сейчас голова кругом, но сердце бьётся. Оно – живое, о живом и думать надо. Да, я и чувствую себя молодым».

А тогда, в 1943 году, его направили на шесть месяцев учиться в ФЗО (профессиональное училище) на лесоповальщика. Учился охотно, с интересом узнавал новое. Закончил учёбу с хорошими оценками и получил распределение в Кемеровскую область. «Работал мотористом на станции. Всё получалось, молодым был, всё по плечу», – вспоминает Андрей Касперович с улыбкой на лице. В свои почти девяносто один он хорошо помнит Тогольский леспромхоз, расположенный недалеко от Кемерово. Там проработал много лет на Сунгайском лесоучастке. Жил в недостроенном бараке на десять человек. Андрею было не привыкать проживать в таких условиях, а работу свою он любил. Электропила подчинялась рукам молодого лесоповальщика, позитивное мышление помогало жить.

В 1945 году в леспромхоз депортировали новую группу немцев. Среди них находилась семья Штельцель, которую, по словам Андрея, привезли туда из Польши, но они были немцами из Одессы. Глава их семьи был арестован в начале войны, и так и не вернулся к семье. Большая мать прожила на новом месте лишь несколько месяцев. Её старшую дочь Магдалену депортировали сюда вместе с мужем Иваном и сыном Алёшей. Младшая дочь Доротея, 1926 года рождения, была уже совершеннолетняя. Бригада девушек-немок из шести человек работала на штабелёвке леса, а Андрей, один парень, – на раскорчёвке. Его любили все девушки, а он выбрал бригадира Доротею Штельцель, и она полюбила его всей душой. После рождения дочери Марии, 4 марта 1955 года, они зарегистрировали свои отношения.

В 1956 году, когда вышел закон об отмене спецкомендатуры, молодая семья приняла решение переехать в Алтайский край, в деревню Содакомбинат. Недалеко от неё находилось озеро, где добывали соду. 26 июля 1956 года родилась Ольга, их вторая дочь. Имя ей дала

старшая сестра, которая всё время повторяла: «Олика, Олика». Через какое-то время деревню переименовали в Михайловку. Там 18 января 1958 года родилась Лидия, третья дочь Андрея и Доротеи Шперлинг, и вскоре семья переехала в посёлок Первомайский Быстроистокского района Алтайского края.

В 60-ые годы Андрей Карпович днём работал мотористом, ночью электромонтёром. «Он – выученный электромоторист, – с гордостью в голосе рассказывает дочь Мария. – Позже родители сами поставили дом: рубили лес, заготавливали брёвна. Мы, дочери, помогали им, как могли. Многому тогда от родителей научились, и это нам в жизни очень пригодилось. Переняли эстафету родителей. Тяжело, но и радостно жили. Мать была весёлая, пела, танцевала, по столу могла пройти в танце, ничего не задев, концерты вела. Боевая она была. Не дай бог кто-нибудь против немцев что скажет, спуску никому не давала. Трое детей требовали свободного времени, но мама вынуждена была работать на производстве. Выдержать трудовой ритм ей было трудно, но рабочую повинность никто не отменял. Годы голода и лишений давали себя знать. У неё появились признаки астмы. Врачи посоветовали поменять климат».

Кузина Андрея Карповича, Шарлотта Циммерманн (урождённая Штумф), проживала тогда на Северном Кавказе в Кабардино-Балкарии. Подвернулась оказия, и, как сопровождающие эшелон с каким-то грузом, Андрей с женой посетили эти места. Там Доротея почувствовала себя лучше. На семейном совете решили переезжать в тёплые края. В 1966 году состоялся переезд в село Морзох. Родственники помогли приобрести недостроенный дом. Пока велись строительные работы, жили в сарае. «Отец – на все руки мастер – смастерил ещё в Сибири кое-какую мебель, – вспоминает дочь Ольга. – По крайней мере, стол и стулья для каждого. Кое-что из нажитого отправили тогда багажом на Кавказ. Потом посмеивались над собой: «В сарае живём, но на стульях, будет о чём вспомнить в старости». Но не дожила Доротея до старости. Умерла в 1982 году, в 56 лет, от язвы желудка, оставив после себя троих дочерей, к счастью, успев узнать, что стала бабушкой. Двум её внукам тогда исполнилось по полгодика. Она похоронена в городе Наткала на городском кладбище.

К 1988-ому году большая семья, состоящая из трёх семей, теперь уже под фамилиями мужей – Виктора Бехтольда, Якова Киндсфатера, Александра Шухарта, переехала на постоянное место жительства в Германию, на родину своих предков. Андрей Карпович и семьи его детей искренне благодарны Шарлотте Zimmermann, которой 26 июня 2019 года исполнилось 90 лет, и её мужу Натану (1929—2013) за практическую помощь, оказанную в этом процессе. Сегодня в семье Андрея Карповича от троих дочерей 8 внуков (5 мальчиков и три девочки), и 14 правнуков (восемь мальчиков и шесть девочек). Интересно то, что самая младшая правнучка деда Андрея – Диана, родившаяся 22 июня 2019 года, – дочь младшего сына Данилы младшей дочери Лидии. Все дети и внуки деда Андрея, кто женат, живут в достатке прочными семьями. Дочери и зятья уже на пенсии. Их дети получили хорошее образование и работают по профессиям, приобретённым в Германии. Все родные любят деда и желают ему долгих лет жизни.

Андрею Карповичу остаётся только радоваться и наслаждаться жизнью, благодарить Бога за доброту и милость.

К 90-летию Нелли Дез

В городе Ваиблинген/ Waiblingen земли Баден-Вюртемберг 9 февраля 2020 года состоялось торжественное празднование 90-летия со дня рождения известного немецко-русского писателя Нелли Дез/ Däs, члена Российско-немецкого Землячества с 1950 года. В течение 24 лет Нелли Дез находилась в составе Vorstanda региональной группы в Штутгарте, шесть из них – председателем, в течение многих лет – председателем региональной группы землячества в Ваиблингене.

Я – землячка Нелли Дез, приехала сегодня в Ваиблинген в составе делегации из региональной группы Землячества Фрайбурга на праздник по поводу юбилея писателя. Зал полон гостей. Звучат приветственные поздравительные речи. Хозяйка принимает подарки, для каждого находит тёплые слова благодарности. Глаза лучатся, улыбка не сходит с её лица. Я много лет знакома с Нелли Дез, но только заочно. На праздник ехала без мысли написать о своих впечатлениях от встречи с ней, внутренне не была готова к этому. Но когда Нелли Дез представила слово, и она начала рассказывать о себе, я вдруг перестала чувствовать себя сторонним наблюдателем происходящего в зале, стала частью коллектива, называемого Landmannschaft/ Землячество. В душе зазвучала творческая струна. Рука потянулась в поисках ручки, потом листка бумаги. Страстно захотелось запечатлеть этот миг встречи с удивительным человеком, устами которого говорила сама история. А после того, как Нелли Дез произнесла своё жизненное кредо: «Я всё своё творчество, всю жизнь посвятила нашему народу, российским немцам, распространяя весть о нас, кто мы – российские немцы? Чтобы все об этом знали!», – в зале прозвучали громкие аплодисменты.

Недавно меня спросила одна женщина в городе моего проживания: «Я слышу по Вашему акценту, что Вы не отсюда. Откуда вы родом?». Мой ответ был прост: «Я – немка из России». Она неожиданно для меня громко засмеялась: «Красиво звучит: немка из России. А разве такие бывают?»

И вот передо мной и всеми присутствующими стоит 90-летняя немка из России, приехавшая в Германию в феврале 1945 года, и рассказывает о своей судьбе. Три четверти столетия прошло с тех пор, как она оказалась на исторической родине предков, и каждую минуту, как и мы, помнила откуда родом, к какому народу принадлежит и отстаивала честь этого народа, рассказывая местному населению кто мы, откуда и почему мы здесь.

Двенадцать книг посвятила Нелли Дез теме российских немцев и сегодня остаётся ей верна. При чтении первых автобиографических книг писателя «Wölfe und Sonnenblumen» (1968) и «Der Zug in die Freiheit», прихожу ещё раз к мысли, что судьба человека непредсказуема. Нелли родилась восьмого января 1930-ого года в деревне Фриденаль на Украине в семье немцев по происхождению Эммы и Иоганна Шмидт, простых крестьян, с корнями немцев, которые переселились 200 лет назад из Германии, деревни Фриденсфельд, расположенной недалеко от Хайдельберга, в Причерноморье. Отец не был сторонником колхозов, не хотел нажитое годами оставлять для всеобщего пользования, не хотел на коллектив работать и, чтобы не быть арестованным за невыполнение указа правительства, принял решение – покинуть родные места. Нелли Шмидт было тогда пять лет. Память сохранила, как семья переезжала из одной деревни в другую, обустроивалась, чтобы существовать. В 1937 году отца всё же арестовали вместе с 54 мужчинами из немецкого села и приговорили к 30 годам каторжных работ в Сибири. После ареста родные его больше не видели. Мать с детьми переехали в Андренбург, где Нелли с сёстрами пошла в школу. Она проучилась там неполных 4 класса. В 1943-1944-ом году, во время наступления советских войск, семья Шмидт была разъединена. В 15 лет Нелли оказалась одна в Польше. Позже нашла свою мать, которая проживала к тому времени на юге Германии в Schwebisch Gmünd, переехала к ней. Там девушка закончила про-

фессиональную школу по специальности швея и в 1951 году вышла замуж за местного немца по имени Walter Däs/ Вальтер Дез. Почти 70 лет живут они в счастливом браке. Став членом Землячества, в какой-то момент Нелли обратилась к представителю Землячества Штумпу (Dr. Stumpp) с рассказом о своей судьбе. Он дал ей творческий старт словами: «Дорогая фрау Дез! Пишите, пишите. И когда Вы две или три тетради напишете, вышлите всё мне». Нелли Дез писала ночами. Когда дети подросли, обратилась с письмом к Ostkundler Camann из Бремена, отправила ему 10 тетрадей, исписанных мелким почерком. Он познакомил её с писателем и лектором Хансом-Георгом Ноакк. Так всё начиналось. В последующие десятилетия её произведения вышли в свет в Oetinger-Verlag, Bitter Verlag, Westkreuzverlag, Landmannschaft, Osmipress. Большое участие в писательской судьбе Нелли Дез сыграл Союз изгнанных /Bund den Vertriebenen.

Сегодня я держу в руках книгу Нелли Дез «Russland Deutsche Pioniere im Urwald» с написанными ею в качестве автографа тёплыми словами: «Alles Liebe. Ihre Nelli Däs». Книга посвящена её тётё Eugenie Assmann. Открываю последнюю страницу и как током прошибает: Источник: книга тёти «Меннониты в Бразилии». Мне эти слова о многом говорят: мой отец принадлежал к людям этого вероисповедания.

И ещё одна мысль сверлила мне мозг до вступления в Landmannschaft/ Землячество: а не лучше ли нам, российским немцам, ассимилироваться среди местного населения и не напоминать ему лишний раз о том, что мы – родом из России. На этой встрече с Нелли Дез я поняла, что мы не должны приспосабливаться и таким образом растворяться среди местного населения. Мы должны заявить о себе громко, кто мы есть и почему мы здесь, как это делает Нелли Дез все годы проживания в Германии.

За свою подвижническую деятельность Нелли Дез награждена многими знаками отличия.

* * *

18 апреля 2021 года Нелли Дез ушла из жизни, оставив о себе прекрасные воспоминания. Светлая ей память.

Человек сам создаёт свою судьбу. О Райнгольде Шульце

На фото: писатель Папа Шульц/ Райнгольд Шульц

Райнгольд Шульц – псевдоним писателя Папа Шульц – родился первого ноября 1949 года в немецкой лютеранской семье на Крайнем Севере, в пригороде Сыктывкара республики Коми.

Его дед по отцовской линии, Карл Генрихович, 1861 года рождения, был крупным землевладельцем на Волыни.

Отец Райнгольда Шульца, Асаф Карлович Шульц, родился в 1908-ом году в селе Солодари Красноармейского района Житомирской области. Там, на Волыни, в хозяйстве отца, Асаф начал свою трудовую деятельность. Немецкий колонист: пахарь, хлебороб, землевладелец, состоянием которого была пахотная земля, хата мазанка, домашний скот и матрас с соломой, во время коллективизации в 1934 году был арестован. Это и стало причиной высылки семьи на Крайний Север. Из Житомирской тюрьмы Асафа Карловича затолкали в вагон, где уже находилась его семья, родня и многие односельчане. Все они были высланы с конфискацией имущества в Карелию. Из четырех его детей там умерли трое.

Во время Второй мировой войны всех, высланных в Карелию житомирских немцев-колонистов, по июльскому указу 1941 года повторно выслали в республику Коми, в леспромхоз Усть-Нембаза. Оттуда, как столяр, отец Райнгольда завербовался на завод в Красный Затон. В последние годы работал сапожником в мастерской Сыктывкарского комбината бытового обслуживания.

Умер Асаф Карлович Шульц в 1963-ем году в возрасте 55 лет внезапно для всех членов семьи. «Для меня отец был моим идеалом, моим фундаментом, моим каркасом! Теперь он отдыхает на затонском кладбище и продолжает жить в стране моих воспоминаний. Память – это моё главное духовное наследство, на которое претендентов нет». (Рассказ Папы Шульца «Сыктывкар в стране воспоминаний»).

Мама Райнгольда, Линда Эмильевна, в девичестве Отто, пережила мужа на 12 лет. Её отца звали Эмиль Карлович Отт или Отс – в документ внесли – Отто. Вместо Эмиль в документах написали Емеля! Он был военным музыкантом, великолепным трубачом. «Умер в ссылке доходягой, с голода, обменяв свою трубу – кормилицу и любовницу – на последнюю в жизни сигарету, выкурил её и умер пятидесятидвухлетним. Даже могилки не осталось в Коми-земле на Усть-Нембазе», – так напишет о нём его внук – Райнгольд (Папа Шульц). Мать Райнгольда, Линда Эмильевна Отто, родилась в 1917 году в Сибири, в городе Иркутске, где в то время слу-

жил её отец. Когда после революции семья вернулась на Украину, в Житомир, на неё выдали документы, но не на Линду Эмильевну, а в русскоязычной трансформации, как на Лидию Емельяновну. Так и звали её по жизни, то Емельяновной, то Емильевной, и Эмильевной, и Эмильяновной. На Крайнем Севере, куда выслали её семью, она в 1945-ом году вышла замуж за Асафа Карловича, отца Райнгольда. В рассказе «Мама Шульц» есть такие строки: «Мама, вдова с двумя детьми, с окладом в 60 рублей, работала уборщицей, истопником, дворником и сторожем в поселковой швейной мастерской. Она была очень общительной и культурной женщиной, играла на гитаре, красиво пела, вышивала, чудесно готовила, была душой компании на всех чаепитиях и вечеринках». Она умерла в 1975 году, в возрасте 58 лет в Караганде. Горе обрушилось на Райнгольда. Зарубка в сердце осталась навсегда. Он самолётом привез мать на север и похоронил там рядом с отцом.

На следующий год как начальник авиационной базы Райнгольд Шульц был судим за пожар на объекте, случившийся в день открытия 25 партийного съезда КПСС. А в 1976 году, в Чимкенте, в селе Белые Воды, в 41 год во время операции, ушёл из жизни его старший брат – Гельмут Асафович Шульц. Младший брат Лео служил в армии, его даже на похороны тогда не отпустили. Гельмут похоронен в Казахстане, где жила его семья. Жена Эмма и две маленькие дочери Рита и Регина через два года первыми из родни сумели уехать в ФРГ.

Ни дедушек, ни бабушек, с обеих сторон, увидеть Райнгольду Шульцу не довелось. Четырнадцатилетним мальчишкой, оставшись без отца, Райнгольд на каникулах уже работал на стройке СМУ-16, разгружал машины и складывал кирпичи. Первую получку, 80 рублей, принёс матери, и она купила ему красивый чёрный костюм для школы. До сих пор Райнгольд помнит слова матери о том, что жить начали хорошо, раз смогли приобрести новый костюм.

После окончания восьми классов он пошёл работать учеником электрика на судоремонтно-строительный завод и продолжал учиться в вечерней школе рабочей молодёжи. До армии получил профессии электрика, столяра и фотографа-профессионала. Это увлечение фотографией у него осталось на всю жизнь. В армии он закончил на отлично Новоселицкое военное училище, что под Новгородом, по специальности «чистый радист-телеграфист».

Пережил он и чехословацкие события, писал заявление пойти добровольцем на остров Даманский, на войну с китайцами. Но его распределили в Крым, в город Феодосию, в филиал центра подготовки космонавтов. Он участвовал в испытаниях новой техники, плавал на военных кораблях и подводных лодках. Стучал морзянку, одно время был личным радистом космонавта №4 Павла Поповича». Все это описано в книге «Режим тишины». Демобилизовавшись, окончил в Сыктывкаре народный университет правовых знаний по специальности «Гражданское и трудовое право» и Сыктывкарский государственный университет, экономический факультет по специальности финансы и кредит.

Многие годы работал Райнгольд Шульц в Сыктывкарском аэропорту авиатехником, инженером, начальником базы снабжения в Коми управлении гражданской авиации, заместителем начальника Управления производственно-технической комплектации Коми Автодора.

С переездом в Германию у него началась новая, совсем другая жизнь.

– Откуда ты? – спрашивали Шульца в Германии земляки-переселенцы.

– Из Коми АССР.

– Ты что там сидел?

– Нет, я там родился, учился, трудился, жил! Надеюсь, в Германии, все мы, русскоязычные немцы, будем купаться в долгожданном счастье!

ПРОШЛОЕ СТУЧИТСЯ В ДВЕРЬ

«Шагал всю жизнь навстречу ветру.

В беде не прятал я лицо.

Я был солдатом, был поэтом,
молодожёном и отцом.
Я в Храмах был и спал в казармах.
Встречал рассветы и гостей.
Я излучал сплошные шармы,
учась любви у лебедей.
Я отрастил усы и крылья.
Как кроткий раб, семье служил.
Рожал детей, любил всех сильно,
но очень мало в счастье жил.
Моя любовь меня не чтילה,
не целовала, не ждала.
Она красивой себя мнила
и клятву брака предала.
Меня б могла любить другая.
Купался б в ласке и в любви.
Но мы судьбу не выбираем,
не знаем, ждёт что впереди».

(Райнгольд Шульц. Стихотворение «Судьба»)

– В Вашем стихотворении «Судьба» практически отображена Ваша биография. В СССР, работая в крупнейшей авиакомпании мира, в Аэрофлоте, Вы много летали по Советскому Союзу и побывали всюду. По Вашим словам, у Вас была хорошая работа, квартира, машина, дача, друзья, связи, телефонное право, авторитет, уважение и почёт. Перед переездом в Германию, Вы жили совсем неплохо. Но и для Вас там были негласные ограничения. Поэтому Вы всегда помнили патриотический наказ покойных родителей о возвращении на историческую родину и выполнили его, в августе 1990 года переехав своим ходом на «Жигулях» с семьёй в ФРГ. Жалуете ли Вы, хоть иногда, о принятом Вами тогда решении?

– Когда мы, в 1990 году, приехали в Германию, то восхищались, удивлялись, радовались и гордились своей исторической родиной. Мы думали, что попали в фантастику, в коммунизм! Все строили наполеоновские планы. Наконец-то поживем по-человечески! О тех чувствах у меня есть оптимистический рассказ «Как нас встречали!» За то время в переселенческой душе вечным огнём будет гореть наша горячая благодарность!

Сегодня, через 30 лет, мне очень стыдно и обидно, что с великой страной сделали левые карьеристы во власти. За державу обидно! Германии в городах уже нет, в сёлах она ещё частично просматривается.

Я, как и очень многие наши люди, сильно разочарован и испытываю большую тревогу за благополучную жизнь наших детей и внуков. И это международная тенденция!

Современной Германии, которой когда-то удивлялся и восхищался весь мир, сегодня гордиться нечем. Её руководство слепо повторяет катастрофический путь СССР и сейчас, на мой взгляд, довело развитие общества до советского периода застоя.

Практически повторяется культ личности дорогого Леонида Ильича. Всё вокруг пришло в упадок, но никто об этом не говорит, все смотрят в рот «любимому и дорогому», хотя дома на кухне, как и в СССР, все возмущаются, ругаются и клянут бездарное руководство. Люди страдают безнадёгой, недоверием, не верят в эффективность справедливых выборов. Прошлое стучится в дверь.

Германия, как и СССР, кормит за свой счёт многие страны и народы, выделяет много-миллиардные инвестиции, принимает беженцев и, отстав от мира по многим направлениям

передовых технологий, очень хочет выглядеть хорошей и гуманной в глазах мировой общественности.

Кого только не брали в Германию: шотландцев, гугенотов, российских белогвардейцев и военнопленных, немцев из Пруссии, Чехии, Польши, Румынии.

В Германии в послевоенные годы оседали невозвращенцы из СССР. Потом приехали российские немцы и члены их семей, евреи, политические беженцы со всех советских республик, беженцы чеченской войны. Потом массово стали принимать беженцев из Африки, из Ближнего Востока, из Сирии, из Афганистана, из Бангладеш. Шрёдер хотел массово принять компьютерных специалистов из Индии. О чём можно говорить в этом Вавилоне. В нашем городе сейчас живёт 150 национальностей, во всём СССР было только 100!

Над Германией, как над Союзом, многие давно смеются, и кто как может, внутри и снаружи, выкачивают из неё средства. Но власть слепа, а мысль её упряма.

Германия, как и Союз, который в своё время создавал соцлагерь и кольцо из сочувствующих социализму развивающихся стран Африки, создала нежизнеспособный, утопический, тормозящий развитие, многомиллиардный экономический балласт, под названием Евросоюз.

Демократия – это диктатура демократов. Их задача – перезагрузка мозгов на нежизнеспособные антихристианские, левые идеалы. А люди считают, что государство должно быть не диктатором, а посредником между его гражданами и общественными интересами. Правительство не должно чувствовать себя хозяином государства, оно должно быть исполнителем воли народа, нанявшего его для добросовестной работы с обязательно положительным эффектом для титульного народа страны. Каждый избранник в конце своей деятельности в суде должен отчитаться за свой вклад, положительный или отрицательный, пользу он принёс или вред и должен за это нести ответственность.

Яркое подтверждение безответственной политики – сегодняшнее фиаско в Афганистане, это – повтор в том же месте, где потерпел фиаско СССР.

Собственный народ нищает на глазах. Об этом давно и прямо говорят Сара Вагенкнехт, Александр Гауланд и другие зрячие политики. Об этом явлении Иван Крылов давно написал басни «Квартет», «Щука и кот» и многие другие. Сегодня надо иметь гражданское мужество, чтобы думать своей головой и говорить правду. И это не только моё мнение. Мне звонят читатели и жалуются, как в последнюю инстанцию. Они верят, что писатель может изменить всё! А чем я могу помочь? Тем, что напишу правду? Сегодня писатель, публицист – это зеркалист. Он отражает то, что видит, то, что знает, то, что смеет!

Могу посоветовать всем идти на выборы! Как в песне поётся: «Каждый выбирает для себя женщину, религию, дорогу. Дьяволу служить или пророку каждый выбирает для себя!»

Но о том, что я переехал в Германию, об этом не жалею.

– Вы – писатель-патриот своего народа. Читатели помнят, как Вы взяли под защиту всех немцев Германии и поставили на место российского журналиста Владимира Познера и российского телеведущего Ивана Урганта с их фильмом «Германская головоломка». Многие немцы выразили тогда Вам свою искреннюю благодарность.

– Да, было дело! Не стерпел! Написал, что думаю! На том стою! И не могу иначе!

– Чем отличался народ в СССР от населения в Германии?

– Там все меня знали. Все здоровались. Все были свои. Здесь меня никто не знает, и никто ни с кем не здоровается, все друг другу чужие...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.